

ПАНГЕЯ



Владимир Фридман



Владимир Фридман

Пангея

«Автор»

2026

Фридман В.

Пангея / В. Фридман — «Автор», 2026

В мире, где океаны отступают, а борьба за пресную воду меняет границы государств, Америка «Нравственного единства» вступает в войну с европейской Федерацией, провозгласившей разум и науку высшими ценностями. Журналист Арт, генерал Кейси и капеллан Маккирнан оказываются перед выбором между верностью своим убеждениям и собственной совестью. Пока рушатся города и привычный порядок, каждый пытается сохранить то, что придаёт его жизни смысл. «Пангея» — роман о войне, любви и цене великих идей, во имя которых люди перестают замечать друг друга.

© Фридман В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Владимир Фридман

Пангея

Пролог

— Расскажите, что, на ваш взгляд, произошло с климатом Земли за последние сто пятьдесят лет, — с этого вопроса Арт начал интервью с известным климатологом доктором Лапортом.

Учёный почесал затылок, обдумывая ответ. Его старомодный пиджак был застёгнут под самое горло. На лбу выступила капелька пота, и он стёр её полосатой перчаткой. Они сидели в небольшой звукозаписывающей студии в центре Манхэттена и записывали интервью для очередного выпуска новостей «Дейли Нью-Йоркер».

— За минувшее столетие Земля сильно изменилась, — сказал доктор Лапорт. — Если коротко, стало теплее. Количество снега и льда на суше резко сократилось, как учёные и предсказывали ещё в двадцатом веке. Обширные районы Гренландии, севера Канады и часть Антарктиды — места, прежде покрытые ледниками, — теперь почти полностью свободны ото льда. На севере Сибири была широко распространена вечная мерзлота — слой грунта, который остаётся промёрзшим круглый год. Теперь её практически не осталось ни в Европе, ни в Азии. Всё это было ожидаемо: Земля нагревается, лёд тает. Но изменения климата, независимо от того, вызваны они деятельностью человека или нет, привели и к неожиданным последствиям.

— Именно об этом многие и спрашивают: когда лёд тает, воды должно становиться больше, а не меньше. Куда же она вся делась? — спросил Арт.

— Да, это очень хороший вопрос, и простого ответа на него нет, — заметил учёный. — Чтобы лучше понять круговорот воды на Земле, нужно рассмотреть климат в разных частях света. За последние сто лет температура сильно изменилась. В одних местах зима стала приходить позже. Если раньше первый снег выпадал в начале сентября, то теперь — в ноябре. В других, наоборот, зима наступает раньше, как здесь, в Нью-Йорке.

— И это как-то связано с уровнем моря? — спросил Арт, заглядывая в шпаргалку с вопросами.

— Да, уровень океана тоже существенно повлиял на эти изменения. Как вы знаете, за последнее столетие он упал примерно на тысячу футов. Из-за этого восточная береговая линия отступила на восток примерно на сто, а кое-где и на двести миль. На Западном побережье последствия оказались не столь разительными. Соответственно, климат Калифорнии и Орегона изменился не так заметно, — сказал Лапорт. — Ещё один важный фактор — океанские течения. Гольфстрим изменил направление, и холодные арктические воды подошли ближе к восточному побережью Соединённых Штатов. Отсюда и более холодные зимы на востоке страны.

— И всё же, если температура выросла, разве таяние снега и льда не должно было дать миллионы или миллиарды галлонов воды? — спросил Арт. — Однако океаны, как вы говорите, отступили. Почему это произошло?

— Всё верно. Думаю, можно смело сказать, что резкого падения уровня моря не ожидал никто, — ответил Лапорт. — Не уверен, что это вообще можно было предвидеть. Когда в начале двадцать первого века планета стала нагреваться, уровень моря, как и предполагалось,

начал расти. Однако затем этот рост стал замедляться, и примерно к 2070-м годам уровень моря, по всей видимости, стабилизировался. Когда вода начала отступать, для большинства учёных это стало неожиданностью. Есть несколько теорий, объясняющих, почему так произошло. Точного ответа мы до сих пор не знаем. Я склонен полагать, что основные теории описывают разные факторы, каждый из которых мог внести свой вклад.

— Какие теории сейчас считаются основными? — спросил Арт.

— Согласно одной из них, избыток воды теперь удерживается в атмосфере, — объяснил Лапорт. — Трудно представить, что в воздухе может висеть целый океан влаги, но расчёты показывают, что по крайней мере доля истины в этом есть. Как мы знаем, климат резко изменился во многих прежде очень засушливых местах, например в Сахаре. Раньше это была песчаная пустыня, где почти не выпадало осадков, а теперь дожди там столь же обычны, как здесь, в Нью-Йорке. Она всё ещё остаётся пустыней, но со временем берега рек покроются растениями; отмирая и разлагаясь, они образуют новую почву, на которой смогут расти другие растения. Через несколько сотен лет, если нынешние условия сохранятся, Сахара может стать плодородным краем. Таким образом, по крайней мере часть исчезнувшей воды мы видим: она время от времени проливается дождями над Сахарой, затем быстро испаряется и повисает в воздухе облаками. В других частях света рост влажности может быть не столь заметен, но анализ климатических данных ясно показывает, что бури и так называемые супербури стали гораздо чаще возникать по всему земному шару. Эти огромные атмосферные образования черпают энергию из влажного нагретого воздуха. Само их обилие говорит о том, что в среднем воздух стал гораздо влажнее.

— Хорошо, — Арт проверил, сколько времени осталось до конца интервью. — Думаю, об этой популярной теории слышали все наши слушатели. Но, насколько я понимаю, влага, содержащаяся в воздухе, не может объяснить исчезновение всей той воды, которую потеряли океаны.

— Да, есть и другие теории, которые пытаются это объяснить, — продолжил Лапорт. — Существует гипотеза, что вода попросту покинула нашу планету. Из-за повышения температуры воздуха больше молекул воды поднимается в самые верхние слои атмосферы, и часть из них в итоге выходит за её пределы.

— Что вы имеете в виду под словами «выходит за её пределы»? Хотите сказать, эти молекулы улетают в открытый космос?

— Да, часть молекул воды уходит в космос. У нас нет возможности отслеживать частицы воды в верхних слоях атмосферы, но есть некоторые свидетельства того, что вдоль орбиты нашей планеты рассеян тонкий слой водяных молекул. Солнечный ветер растягивает этот слой в направлении от Солнца. Любопытно, однако, что ближе к земной орбите его плотность возрастает, а значит, эти молекулы, скорее всего, происходят с нашей планеты. В таком тонком слое вполне может содержаться столько же воды, сколько в одном из небольших океанов. Как вам, возможно, известно, вода на Земле, вероятнее всего, появилась благодаря кометам. Кометы состоят главным образом из льда, а на заре земной истории столкновения с ними случались довольно часто. Именно они стали первоначальным источником большей части воды в наших океанах, озёрах и реках. Теперь, похоже, этот процесс пошёл вспять. Мы начали терять воду: она уходит в открытый космос, где, возможно, когда-нибудь соберётся вновь и образует новые кометы.

— Можно ли как-то остановить этот процесс? — спросил Арт.

— Трудно сказать, — признал Лапорт. — По-видимому, потеря воды сама себя ускоряет. Чем теплее становится планета, тем больше участков земной поверхности освобождается от снега и льда. Перестав отражать солнечное излучение, эти участки летом нагреваются ещё сильнее. Это, в свою очередь, ещё больше повышает среднюю температуру Земли, и ещё больше молекул воды уходит из атмосферы. На данном этапе процесс кажется неуправляемым,

но мы ведём исследования, чтобы лучше в нём разобраться. Надеюсь, они подскажут, как обратить его вспять или хотя бы замедлить.

— Удивительно, что к столь разительным изменениям климата мы, кажется, привыкаем довольно быстро, — добавил Арт. — Для людей, живших в эпоху стабильной средней температуры, известие о падении уровня океана прозвучало бы как предвестие катастрофы, едва ли не конца света. А нам это кажется обыденностью.

— Да, более того, мы сумели извлечь из изменения климата некоторую экономическую выгоду, — доктор Лапорт откинулся на спинку кресла. — Возьмём, например, Арктическую высокоскоростную железную дорогу: впервые в истории нам удалось соединить Соединённые Штаты и Европу железнодорожным сообщением. Построить стомильный мост между мысом Шпицбергена и Гренландией было, безусловно, проще, чем перебросить его через весь Атлантический океан. Сейчас мост служит не только альтернативой авиаперелётам, но и маршрутом грузовых перевозок. Мы легко принимаем как должное возможность купить торт в парижской кондитерской и получить его уже на следующий день, но ведь так было не всегда. И, разумеется, всё это было бы невозможно, если бы за последние сто лет или около того уровень моря не упал.

— Поистине удивительное время нам выпало, — заметил Арт.

— Действительно, человечество показало, что умеет прекрасно приспосабливаться к меняющимся внешним условиям, — продолжил учёный. — Помимо транспорта, расширились возможности сельского хозяйства. Новая житница на равнинах северной Канады появилась только благодаря таянию вечной мерзлоты. Взять хотя бы Гудзонов залив на севере Канады: когда-то это был огромный водоём, соединённый с Северным Ледовитым океаном, а теперь там плодородная земля, на которой фермеры выращивают картофель.

Даже туризм выиграл от потепления. Фьорды северной Канады стали привлекательным местом для летнего отдыха: туристов ждут прохлада и многочисленные природные озёра. Словом, хотя в историческом масштабе климат изменился очень резко, назвать эти изменения сплошной катастрофой нельзя.

— Но я как раз и хочу сказать, что наша способность приспосабливаться не отменяет опасности этих перемен, — добавил Арт. — И дело не только в том, насколько климат пригоден для жизни человека, но и в политике. Взять хотя бы северные территории Канады. Они стали весьма желанной добычей для отдельных стран, каждая из которых стремилась обеспечить пресной водой своё население и сельское хозяйство. Я говорю прежде всего о США и Федерации европейских государств. Соединённые Штаты взяли под контроль большую часть Канады, а самые северные её территории, граничащие с Гренландией, сдают в аренду Европе. В последние пару лет это очень острый вопрос.

— Я предпочёл бы не касаться политических аспектов. — Арт так и думал, что Лапорт уйдёт от спорной темы. — Но вы правы: Гренландия, например, стала весьма процветающим государством и вошла в состав Федерации. Можно сказать, что она очень выиграла от изменения климата. Теперь, когда большая часть ледников исчезла, середину страны занимает низменность невиданной красоты: горные реки, озёра, водопады, густые леса и просторные луга. Я сам люблю отдыхать в Гренландии.

— Что ж, наше время почти истекло, — сказал Арт, снова взглянув на часы. — Благодарю вас за то, что пришли и дали это интервью. Жаль, что времени у нас было так мало. Желаю вам успехов в исследованиях и надеюсь вскоре увидеть вас снова.

Арт закончил интервью. По дороге домой из студии он вспоминал собственный отпуск в Гренландии. Горные луга казались прекрасным зелёным морем, покрывавшим долины и склоны, словно кто-то их нарисовал. Кое-где по холмам разливались целые акры ярких красок: оранжевые, лиловые, белые и синие горные цветы. Арт огибал очередную гору и останавливался, замирая от восторга перед новой долиной. Краски словно были подобраны намеренно,

будто кто-то пытался воссоздать картину Моне. Весь пейзаж напоминал полотно импрессиониста: оранжевые и синие мазки на зелёном фоне. Издали он едва мог различить в этих мазках цветы. Но стоило подойти к ярким пятнам поближе, и становился виден каждый маленький цветок, покачивавшийся под дуновением свежего горного ветра.

Глава 1

В мобильном командном пункте было жарко. Двадцатиколёсный военный грузовик в камуфляжной окраске стоял в овраге, и система климат-контроля изо всех сил пыталась охладить несколько отсеков, где генерал-лейтенант Кейси, четырёхзвёздный генерал Харрисон и штабные офицеры следили за последними приготовлениями к крупному наступлению. Стены отсеков были уставлены компьютерными экранами, дисплеями радаров и средствами связи. Небольшой стол посередине самого просторного помещения был завален распечатками свежих прогнозов погоды и донесениями о готовности частей, участвовавших в операции.

Джон Кейси изучал разведданные со спутника, пролетевшего над этим районом несколько минут назад. Всё указывало на то, что командование противника попало на его уловку. На снимках со спутника-разведчика было видно большое скопление танков, бронетранспортёров, боевых роботов и другой техники, выдвинутой на позиции для полномасштабного наступления.

Его оборонный гамбит оправдывал себя. Увидев мощные укрепления, противник, должно быть, решил, что армия Соединённых Штатов основательно зарылась в землю и готовится к оборонительному сражению. Но орудия за двумя линиями траншей по большей части были муляжами, совсем недавно напечатанными в мобильных производственных центрах. Траншеи были настоящими, но многие стоявшие в них роботы — ложными целями. Люди были настоящими. Они по-прежнему требовались для управления роботами и военной техникой.

Командование противника не подозревало о том, что происходило во время сильных бурь, особенно по ночам. 1-я бронетанковая дивизия почти завершила марш из Форт-Блисса в Техасе к фронту на реке Моктесума в Мексике. На восточном участке фронта тщательно скрывались сотни лёгких танков с дистанционным управлением в сопровождении машин тактического управления, при поддержке воздушных беспилотников, боевых и вспомогательных роботов. К западу от командного пункта 24-я пехотная дивизия закончила оборудовать позиции под прикрытием тех же свирепых бурь, что терзали эту землю последние несколько десятилетий. Пятьдесят тысяч человек готовились вступить в бой и захлопнуть ловушку вокруг вражеских соединений, которые охватывали сильно укреплённые районы и перерезали американские пути снабжения от баз на Юкатане и в Гватемале. Ударить по позициям противника предстояло одновременно с запада и с востока.

Бури насквозь пропитали землю водой. Некоторые участки дорог, связывавших передовую с тыловыми складами, размыло. Три инженерных батальона работали не покладая рук, восстанавливая и ремонтируя подходы к плацдармам на Моктесуме. От влажности и жары воздух стал густым и тяжёлым; многие выходили из строя, особенно пехотинцы, почти не защищённые от непогоды. Сквозь облака изредка проглядывали клочки синего неба, напоминая всем о неизбежном сражении. Сезон бурь подходил к концу.

— Мне нужно осмотреть передовые и резервные позиции в центре, — сказал Джон Кейси генералу Харрисону.

— Но ведь всё видно на экранах, прямо отсюда, — Харрисон оторвался от последней метеосводки.

Харрисон был на хорошем счету у военного руководства. И всё же генералы высшего командования США начали понимать, что для нынешней войны с южноамериканской армией его способностей недостаточно. За последний год он почти не продвинулся. Должно быть,

наверху это кому-то надоело, и сюда направили генерал-лейтенанта Джона Кейси — молодого, многообещающего командира корпуса, пока ещё малоизвестного и не успевшего по-настоящему проявить себя, — разработать операцию, которая вывела бы войну из тупика.

— Лично, — настоял генерал-лейтенант Кейси. — Я должен лично осмотреть позиции.

— Хорошо. Возьмите с собой пару боевых роботов, — сказал Харрисон.

— Вернусь до заката, — сказал Джон Кейси. — Надеюсь, к тому времени новые шифры взломают. Это последний недостающий фрагмент головоломки.

— Уверен, наши криптографы без труда с ними справятся, — ответил Харрисон, снова принимаясь за метеосводки.

Джон Кейси вышел из мобильного командного пункта и ступил на мокрую траву. Грозы, ливни, сезонные ураганы и редкие смерчи исполосовали некогда плодородную землю оврагами, мутными ручьями и поваленными деревьями. Стволы лежали повсюду, словно павшие солдаты на поле битвы воды с сушией. Дождь побеждал.

Генерал Кейси решил ехать на обычном транспортном грузовике. Ему не хотелось, чтобы вражеские наблюдатели заподозрили, что в машине едет важная персона. Он велел посадить в кузов боевого робота — на случай неожиданной стычки с южноамериканскими разведчиками.

К передовым позициям в центре фронта, в двухстах ярдах к северу от Моктесумы, ехали медленно, трясясь на ухабах. Вскоре показалась первая линия траншей. Они тянулись с востока на запад, просматривались на сотню ярдов в обе стороны, а потом терялись среди оврагов и холмов. Солдаты высовывались из укрытий посмотреть, что происходит, и, заметив транспортный грузовик, поспешно ныряли обратно.

Водитель предъявил часовому документы, и они поехали ко второй линии траншей. Отсюда была видна река. Сезон дождей заканчивался, и Моктесума была полноводна. Она разлилась на пятьдесят ярдов в ширину, а течение посередине было таким сильным, что пересекать её было опасно даже бронированным танкам «Гепард». Если прогноз уровня воды в местах переправы оказывался неверным, река могла подхватить тяжёлого военного монстра и унести вниз по течению, словно щепку коры. Кейси понимал риск, но вода спадала, а сражение было уже близко.

Выглянув в пассажирское окно, генерал Кейси увидел маленькую серую лисицу, бежавшую среди растрёпанных кустов параллельно дороге. Должно быть, она жила здесь ещё до того, как на эту землю ступили войска. Винтовочные выстрелы и миномётные разрывы стали для здешних зверей привычным фоном. Лисица остановилась и настороженно прислушалась, наострив уши. Взглянула в сторону Джона и юркнула в нору.

Джон подумал: готова ли она к большому наступлению, которое начнётся через несколько дней? Переживёт ли вражеский артобстрел? Готова ли к шквалу пулемётного огня с севера, с американской стороны, от тех самых людей, которым полагалось бы защищать землю, где она живёт? Готова ли к внезапному отходу передовых частей, призванному заманить противника глубже в центр обороны, — отходу, который остановится у второй линии траншей и сменится артиллерийским шквалом, накрывающим снарядами и кассетными бомбами каждый квадратный фут этой земли?

— У неё нет шансов, — сказал Джон, задумчиво глядя туда, где только что стояла лисица.

Водитель быстро покосился на генерала, но, видимо, не решился ничего сказать в присутствии внушительного военачальника.

«Как и у меня», — подумал Джон.

Они медленно ехали вдоль передовой линии траншей. Рассматривая укрепления из грузовика, Джон пытался оценить количество пулемётов на каждую сотню ярдов обороны, число роботов, готовых открыть автоматический огонь по любому движущемуся объекту, не опознанному как свой. Они остановились на вершине небольшого холма — особенно важного узла

обороны. Джон вышел из машины, немного прошёл вдоль траншеи и, заметив спуск, спустился в неё.

— Кто командует на этой высоте? — спросил он солдата, явно растерявшегося при виде столь высокого начальства на передовой.

— Капитан Уокер, сэр, — ответил солдат.

— Где он? — генерал Кейси огляделся.

По местным линиям связи, должно быть, уже разнеслась весть о высокой проверке: капитан Уокер бежал к генералу Кейси, протискиваясь между стоявшими на пути людьми.

— Капитан Уокер, рота «С», 36-й пехотный полк, — доложил офицер. Его лицо с резкими чертами излучало уверенность, но рука слегка дрожала, когда он отдавал честь генералу.

— Капитан, — кивнул генерал Кейси, — я хочу увидеть, как вы подготовились оборонять эту высоту от противника, переправляющегося через реку с юга.

— Так точно, сэр, — начал объяснять капитан. — На высоте три полуавтономных пулемёта, два из них возле вершины. Их огонь перекрывает практически всё пространство от той излучины на востоке до вывороченных деревьев на западе. Также имеются пять противотанковых ружей, десять роботов — истребителей танков и больше двухсот винтовок.

— Хорошо. Так где ваши РИТы? — уточнил генерал Кейси, имея в виду роботов — истребителей танков.

— Примерно в ста ярдах отсюда, — показал Уокер, — почти у самого берега.

— Слишком низко, — генерал Кейси посмотрел на офицера. — Перебросьте их повыше, чтобы расширить сектор обзора. Немедленно подтяните сюда.

— Есть, сэр, — подтвердил Уокер.

— Бой может начаться в любой день, а ваши позиции ещё не готовы, офицер, — сердито сказал генерал Кейси. — Вы отдаёте себе отчёт в исключительной важности господствующих высот? Неспособность удержать высоту может очень дорого обойтись всей операции. Вы это понимаете?

— Так точно, сэр, — капитан побледнел.

— Вы состоите в «Нравственном единстве», капитан? — спросил генерал Кейси.

— С 2171 года, — доложил тот.

— Хорошо. Помните наши принципы? — спросил Джон.

— Защищать Добро, уничтожать Зло, — почти выкрикнул Уокер.

— Именно, — генерал Кейси повернулся, собираясь выйти из траншеи. — Надеюсь, вы готовы защищать нашу страну до последнего робота, до последней капли крови.

— До последней, сэр, — ответил Уокер и принялся отдавать приказы о переброске роботов — истребителей танков повыше.

«Фанатики», — подумал Джон, пока грузовик вёз его к позициям резервного кавалерийского полка. Они гордятся членством в «Нравственном единстве», словно окончили престижнейший университет или вступили в орден тамплиеров. Удивительно, как цветная ленточка или кусочек глянцевого пластика, служащий удостоверением, меняют представление человека о самом себе. Он настолько уверяется в собственной значительности, что окружающие начинают уважать его по привычке. Те, в свою очередь, ставят его в пример другим, и круг замыкается, подпитывая сам себя. И всё из-за цветной ленточки.

Джон вспомнил детство в Иллинойсе. Тогда мир был другим: без «Нравственного единства», мир, где супербури ещё оставались редкостью, где Канада была самостоятельной страной, а Федерации не существовало. В том мире ещё не было великих идей нового времени, подчинивших себе людей.

Его родителям жилось нелегко. Оба подолгу работали, и на детей почти не оставалось времени. Чаще всего Джон видел родителей воскресным утром, когда они всей семьёй ходили в церковь. Будучи набожными христианами, они хотели также дать детям как можно лучшее

образование. При первой возможности они определили Джона в военную школу-интернат. Ему было десять. Поначалу жить с другими мальчишками, многие из которых были гораздо старше, оказалось трудно. Нелегко было заслужить уважение товарищей и начальства. Но со временем упорство, хорошие физические данные и находчивость Джона произвели впечатление на соучеников и привлекли внимание преподавателей.

В восемнадцать лет его направили офицером в одну из зон конфликтов, которые начали расти как грибы по всей Северной и Южной Америке. Он попал в Канаду, где участвовал в операции по захвату района пресноводных озёр. Джон проявил себя храбрым командиром взвода: под его руководством разведгруппа сумела захватить вражеского офицера. Его наградили крестом «За выдающиеся заслуги», но позднее он получил контузию и был отправлен домой на поправку.

Отпуск продлился недолго: мир всё глубже погружался в хаос. Джону казалось, будто его подхватил бушующий поток событий; благодаря толике удачи и огромному труду он сумел продвинуться по службе. Теперь ему дали возможность разработать операцию для целой армии. Он знал наверняка: если следовать его плану — и если дожди прекратятся, — 3-я южноамериканская армия окажется в окружении. Ей придётся либо сдаться, либо голодать. Кто-то попытается прорваться, но это удастся лишь нескольким ротам. У американской армии было боеприпасов и продовольствия на две недели — достаточно, чтобы довести сражение до неизбежного конца.

Когда он вернулся в мобильный командный пункт, генерал Харрисон пил кофе и просматривал сообщения из Вашингтона.

— А! Вы вернулись! — сказал Харрисон.

— Что случилось? — генерал Кейси подозрительно посмотрел на Харрисона.

— В Вашингтоне получили сведения, что южане собираются атаковать послезавтра, — сообщил Харрисон. — Кроме того, наши шифровальщики взломали их коды. Мы перехватили несколько подтверждений: наступление планируется в ближайшие тридцать шесть часов.

— Хорошо. Нельзя упускать инициативу, — ответил Джон Кейси.

— Согласен, — сказал Харрисон. — Как только ловушка захлопнется, нельзя давать им время на перегруппировку и создание новых рубежей обороны. Как только ситуация окажется полностью в наших руках, нужно их раздавить. Сражение закончится лишь тогда, когда их командующий будет сидеть в этой комнате и подписывать капитуляцию своей армии.

Генерал Кейси взял компьютер и написал директиву командирам дивизий.

«Все танки „Гепард“ должны быть заправлены и готовы к бою, — написал он. — В течение ближайших сорока восьми часов командиры дивизий обязаны лично проверять готовность своих частей каждые шесть часов. После начала атаки южан мы должны держаться твёрдо. Ни при каких обстоятельствах нельзя допустить захвата высоты 506».

Генерал Кейси снова и снова прокручивал в уме план сражения, стараясь предусмотреть всё, что могло пойти не так. Исход боя либо оставит южные границы открытыми для новых ударов южноамериканской армии, либо наконец обеспечит их безопасность на долгие годы.

Внезапность давала огромное преимущество в наступлении; технологическое превосходство могло изменить соотношение сил; крепкая оборона — лишить противника инициативы; информация ценилась не меньше боеприпасов. Еда, электричество, топливо, роботы, танки «Гепард», дистанционно управляемые машины и прочие припасы были готовы отправиться в пасть чудовищу войны. Солдаты будут гибнуть, но этого не избежать. Если сражение пойдёт по плану, погибших будет меньше. Генерал Кейси был готов пожертвовать столькими людьми, сколько потребуется, лишь бы добиться победы.

Глава 2

— Ужасные помидоры, — сказал старик. — Вы их пробовали? Никакого вкуса!

— Это правда, — ответил Арт.

— Вот откусываешь помидор, — продолжал старик, — и всеми вкусовыми сосочками предвкушаешь вкус жаркого лета: чуточку кислоты, чуточку сладости, лёгкую горчинку кожицы. А откусишь от этого — и ничего не чувствуешь. Просто... не знаю... что-то теперь лежит у тебя во рту. Вот и всё.

— Согласен. — Арт ждал завтрак в кафе на Малберри-стрит. Старик за соседним столиком упорно пытался завязать разговор. Как и во всех манхэттенских кафе, места здесь было мало, и столики стояли вплотную друг к другу. Внутри, где работал кондиционер, всё было занято, но Арт и сам предпочитал сидеть снаружи, на жаре, во влажном воздухе.

— Держать во рту что-то безвкусное — занятие скучное и бессмысленное, — продолжал старик. — Так что остаётся перейти к делу и начать жевать этот помидор. Верно?

— Можно и так сказать, — ответил Арт.

— И все детские воспоминания о том, как летним субботним утром ты искал спелые помидоры в бабушкином огороде, рассыпаются, прежде чем успеешь проглотить, — старик посмотрел на ломтик помидора у себя на тарелке и откусил от него. — Хотя на ощупь похоже, — продолжил он, прожевывая. — Скоро сельскохозяйственные комбинаты начнут штамповать нечто, что даже с виду не будет похоже на помидор. По мне, уж лучше помидор пусть выглядит как кирпич, но на вкус будет настоящим. Понимаете, о чём я?

— Кажется, понимаю, — ответил Арт. — Но бабушки с огородом у меня никогда не было.

С утра Арту было тоскливо, но он сомневался, что этот разговор поможет справиться с меланхолией. Официант принёс бокал белого вина. Вино было холодным, и на стекле сразу осела роса из влажного воздуха.

— Откуда же вам знать? — спросил старик. — Вы слишком молоды. И лето в Европе, как я, не проводили. Кстати, меня зовут Питер.

— Рад знакомству, Питер. Я Арт.

— Очень приятно, — сказал Питер. — Как вам это прекрасное нью-йоркское утро в разгар лета?

Арт посмотрел на Питера. Тому, наверное, было под семьдесят. Седые волосы, несколько тщедушный вид. Он походил на тех, кто горячится сверх меры и сетует, что до «Нравственного единства» всё было лучше. На тех, кто наговорит такого, что неприятности потом будут у окружающих.

— Что ж, детские воспоминания о помидорах можно заменить небольшим количеством вина, — продолжил разговор Арт.

— Да, вино делает жизнь немного приятнее, не правда ли? — отозвался Питер.

— Безусловно, — сказал Арт. Официант принёс завтрак, и он принялся есть.

— Но всё-таки подумайте о помидорах, — продолжал Питер. — Люди живут себе спокойно и ни разу не задумываются, какими помидоры должны быть на вкус. А я помню, как в детстве ел помидор — такой вкусный, что хотелось съесть ещё один, и ещё. Они были тёплые, нагретые палящим летним солнцем, и, стоило откусить, сок летел во все стороны. Но это было неважно: ты ведь на улице, в огороде, и рядом шланг — можно смыть сок с рук и со щёк. Теперь люди даже не знают, чего лишены. Объяснить это невозможно! Как объяснить такое сложное,

сокровенное ощущение, как вкус? Слов не хватит. Тут нужно стихотворение написать, чтобы передать это чувство. Но кто станет читать стихи о помидорах?

Вино, на вкус Арта чуть сладковатое, сделало беседу интереснее, и тирады Питера даже начали его забавлять.

— Я скупаю по тому вкусу всякий раз, когда жую ватный комочек современного помидора. Мне хочется чего-то лучшего, потому что я знаю: лучшее существует. Я его помню. Память — могучая сила. Но попробуйте объяснить причину вашей ностальгии вон той милой молодой официантке — она не поймёт, о чём вы. Все слова поймёт, а смысла — нет. Мы не можем представить себе что-то в лучшем виде, если сами никогда этого лучшего не знали.

— Вы правы, — сказал Арт. — Но не думаю, что кто-нибудь отказался бы от помидора повкуснее.

— Не отказался бы, конечно. Но большинству и в голову не придёт его искать, — заявил Питер. — Можно ухудшать людям жизнь, а следующее поколение уже не помнит того, что помнило предыдущее. Каждое новое поколение начинает с нуля и считает нормальным всё, что ему подают. Если помидоры на вкус как вата, значит, такими им и полагается быть. Вспомните книги девятнадцатого века. Каждый раз читаю — и чувствую себя обманутым. Как будто мои родители забыли, как жили и что ели их предки. Да, те люди не летали на суборбитальных кораблях и не держали роботов-горничных, зато у них была вполне приличная еда, а к ней — вкусные вина. А теперь со всеми этими ценностями «Нравственного единства» — или, как я их называю, безнравственными запретами — нам остались ватные помидоры, четыре сорта белого вина и пять красного.

Направление, которое принимала беседа, начало тревожить Арта.

— Я к тому, что сколько ни пытайся забыть тот вкус, не забудешь, — продолжал Питер. — Будешь помнить всегда, и каждый следующий помидор, который попробуешь, будет тебя немного огорчать.

— Пожалуй, закажу ещё бокал, — сказал Арт и позвал официанта.

— Можно ведь сказать, что и вся жизнь бывает как эти помидоры, — сказал Питер, допивая кофе. — С виду жизнь, все положенные признаки на месте: хорошая работа, приличная машина, выходные, семья. А всё-таки не жизнь. Понимаете? Будто помнишь, какой она должна быть. А нынешняя кажется жалкой подделкой под настоящую — как этот помидор: пресной и безвкусной. Бывало у вас такое чувство?

— Возможно, — ответил Арт. — Но обсуждать это бессмысленно. Какова бы ни была наша нынешняя жизнь, другой у нас нет, и нужно её ценить. Разве не в этом идея?

— Идея! — воскликнул Питер. — Идей миллионы, только некому довериться, чтобы узнать, какая из них верна.

— А какая идея у вас? — спросил Арт.

— Никаких идей. Только случайные мысли, за которыми стоят другие мысли, — сказал Питер.

Питер расплатился прямо за столиком и поднялся.

— Что ж, было приятно поговорить с вами, молодой человек, — сказал он. — Надеюсь, как-нибудь ещё увидимся.

— Мне тоже было приятно, — сказал Арт. — Уверен, ещё встретимся.

По дороге домой Арт вглядывался в лица встречаемых прохожих. В этом городе, полном людей, он чувствовал себя совершенно одиноким. Мир вокруг казался очень довольным собой и вместе с тем очень хрупким. Люди занимались привычными делами, не замечая, что лёгкий северный ветерок, навевающий сон, — возможно, лишь умиротворяющее затишье перед чудовищной бурей. Мир мог погибнуть уже через пять минут. Арт подумал, что чувствует себя мухой на стене, на которую вот-вот обрушится мухобойка. Если повезёт, у него останется

секунда, чтобы понять, какая беда стряслась; а может, удар сразу лишит его сознания, и он даже не узнает, что произошло. Он чувствовал себя бессильным. Возможно, мир доживал последние мгновения, а людям не давали времени даже осознать свою гибель, не то что предотвратить её.

Глава 3

В тот день из Калифорнии прилетала Меган. Арт с нетерпением ждал встречи и хотел встретить её в космопорту. Он зашёл в цветочный магазин за букетом оранжевых роз, а потом сел на поезд до космопорта имени Джона Кеннеди. Там, как всегда, было оживлённо: рейсы прибывали со всего света. Проходя через раздвижные двери у входа, Арт всякий раз чувствовал, будто ступает в волшебный портал. Переступаешь порог, регистрируешься на рейс — и через три часа можешь оказаться в любой точке мира. Нужно лишь выбрать подходящий перелёт: обычный — до ближайших городов восточного побережья, сверхзвуковой — на другой конец страны, суборбитальный — в Австралию или Азию.

Арт приехал в космопорт около восьми вечера. Терминал сверхзвуковых рейсов был полон людей: одни летели по делам, другие возвращались из летних отпусков. Потолок, покрытый светоизлучающими элементами, служил гигантским экраном, на котором картины природы соседствовали с указателями, помогавшими найти дорогу в разные части космопорта. Когда вошёл Арт, на потолке плыли лиловые облака, подсвеченные заходящим солнцем.

Рейс Меган из Сан-Франциско прибыл с получасовым опозданием. Она появилась в зоне прилёта и уверенно направилась прямо к выходу, потом окинула взглядом зал и словно случайно заметила Арта.

— Арт! — воскликнула она и улыбнулась. Она помахала ему, и Арт поспешил навстречу.

— Как мило с твоей стороны! — сказала она, заметив букет.

— Чудесные цветы! Спасибо! — сказала Меган. Когда Арт попытался поцеловать её в губы, она отвернулась, и поцелуй пришёлся в щёку. Она рассмеялась, потом улыбнулась, глядя Арту в глаза.

— Ты такой милый. Знаешь об этом? — сказала она.

В манере Меган говорить была какая-то театральность. Арт никогда не мог понять, искренна она или играет роль. Она поцеловала его в щёку и понюхала цветы, а Арт стоял и смотрел на неё, наслаждаясь долгожданной встречей и стараясь не думать о том, что будет дальше. Он смотрел на её светлые волосы, на длинную шею и вдыхал розовый аромат её духов.

— Я так устала! Ты торопишься? — спросила она.

— Нет, в общем-то. А что? — ответил он.

— Давай выпьем по бокалу вина, прежде чем ехать! — предложила Меган. — Здесь есть бар? — спросила она, оглядываясь.

— Кажется, да. — Арт посмотрел на экран под потолком и нашёл указатели к ресторанам.

— Здесь куда оживлённее, чем в Сан-Франциско, — заметила Меган. — Столько людей.

— Иногда в космопорту мне хочется прямо на месте купить билет и отправиться туда, где я ещё никогда не был, — сказал Арт.

— Да, да! — воскликнула Меган. — Хочешь сделать это прямо сейчас?

— Прямо сейчас? — Арт такого не ожидал. — А куда бы ты хотела?

— Не знаю, куда угодно, — улыбнулась она.

— Но ты ведь только прилетела! Ты ещё Нью-Йорка не видела, — сказал Арт, подходя к входу в бар.

— Наверное, ты прав, — сказала она. — Но как-нибудь надо попробовать. — Она улыбнулась.

Они сели за маленький столик. Меган вертела на пальце кольцо, а Арт заказал два бокала вина.

— Это моё счастливое кольцо, — сказала она. — Мне его бабушка подарила.

— А почему счастливое? — спросил он.

— Ой, не знаю, просто с ним мне спокойнее, — ответила Меган. — Почему ты так нервничаешь? — спросила она, глядя на него.

— Нервничаю? Правда? — Арт подыскивал слова, но они не шли на ум. — Не знаю. Просто я очень рад тебя видеть.

— Ты иногда такой славный! — улыбнулась Меган.

— А в остальное время? — спросил Арт.

— Бываешь довольно напористым. — Меган посмотрела на Арта, и в её глазах мелькнула злость.

— Да, я знаю, — сказал он, оглядываясь. — Стараюсь таким не быть.

Несколько секунд они молчали, каждый думая о своём, и ждали вино. Когда его принесли, Меган оживилась.

— Ну, рассказывай, как ты жил? — Она снова улыбнулась.

Арт представлял их отношения как два маятника, качающихся рядом, но с чуть разной частотой. Иногда казалось, что они движутся совершенно синхронно, но спустя несколько месяцев ритмы расходились и движения становились совершенно несогласованными. У них бывали периоды райского блаженства, когда они были счастливы вместе, затем через несколько месяцев что-то начинало разлаживаться, и в какой-то момент Меган внезапно уходила, иногда ни слова не сказав. Просто собирала все свои вещи, садилась в такси и исчезала. В первый раз Арт пытался ей звонить, но быстро понял, что никаких объяснений не получит. Постепенно он привык к тому, что время от времени обнаруживал исчезновение всех её вещей. Теперь Арт уже не помнил, сколько раз Меган его бросала и сколько раз они снова влюблялись друг в друга.

Но они становились старше, менялись. Арт надеялся, что, может быть, на этот раз всё будет иначе. Последний раз они расстались больше года назад. Несколько месяцев назад, когда Арт ездил в Калифорнию по работе, они снова начали общаться. Его всегда удивляло, как долго они могут разговаривать. Темы для разговоров казались неисчерпаемыми. В тот день, когда они встретились в Калифорнии, они гуляли в парке, а в конце вечера поцеловались. Арт чувствовал, что их колебания снова начинают совпадать. Он спросил, не хочет ли она приехать к нему в Нью-Йорк, втайне надеясь, что она у него поселится. К его удивлению, она согласилась приехать в гости.

Теперь они сидели рядом в такси, ехавшем по полосе для беспилотного транспорта на Манхэттен. Их такси без водителя тихо катилось по сонным кварталам Бруклина. Экран компьютера впереди всякий раз включался снова через минуту после того, как Арт его выключал. Он проецировал посреди салона трёхмерные рекламные ролики. Арт убавил звук насколько возможно и приглушил яркость экрана.

— Как у тебя на работе? — спросила Меган. — Тебе всё ещё нравится твоя работа?

— Нормально, — сказал Арт. — Работа не самая лучшая на свете, но лучшая из тех, что я могу получить. Меня всё пытаются перевести на руководящую должность, а мне сама мысль о работе начальником кажется ужасной.

— Ну да, но знаешь, если ты действительно хочешь повышения, может, это и есть твой путь, — заметила Меган.

— Не знаю, — сказал Арт. — Я хорошо делаю своё дело. А руководить — это, по-моему, совсем другая работа, которой меня никто не учил и к которой у меня, честно говоря, нет способностей.

— Ну, тогда и не берись, — сказала Меган и рассмеялась.

Арту нравился смех Меган. Он означал, что она в хорошем настроении и что на какое-то мгновение их хрупким отношениям ничто не угрожает. Он взял её за руку.

— Что такое? — спросила она с улыбкой.

— Ничего, — сказал Арт. — Ты не против?

— Нет. — Улыбка исчезла с её лица, и она посмотрела Арту в глаза. Он никогда не мог понять, о чём она думает, когда смотрит так серьёзно. Ей страшно? Она пытается что-то решить?

— В любом случае начальником я становиться не собираюсь, — продолжил он. — Мне нравится что-то создавать, пусть даже это такое старомодное занятие, как писать газетные статьи и иногда брать интервью по радио. И всё-таки, наверное, стоит считать комплиментом то, что начальству нравится моя работа и меня хотят повысить. А ты? Как думаешь, снова начнёшь работать?

— Может быть, когда-нибудь, — ответила она. — Меня уже тошнит от этого всеобщего увлечения «Нравственным единством», — сказала Меган, отпуская руку Арта. — Я, конечно, христианка и всё такое, но, по-моему, неправильно ограничивать поступки людей религиозными писаниями.

— Согласен, — сказал Арт. — И даже не самими писаниями, а определённым их толкованием, удобным тем, кто сидит в Белом доме и в Проектном комитете «Нравственного единства».

— Просто не понимаю, почему большинство людей с этим мирятся, — пожаловалась она. — Как будто им совершенно всё безразлично! Наверное, за последние двадцать лет «Нравственное единство» сделало немало хорошего. Знаешь, они всё говорят, что строили школы, стадионы, всякие учреждения. Но теперь они скупают частные колледжи и навязывают свою учебную программу. Это же безумие!

— Знаю, — вздохнул Арт. — Они полностью захватили нашу социальную систему и теперь навязывают свои взгляды молодым студентам.

— Да, разве это правильно? — спросила она.

— Конечно, нет, — ответил Арт и отвёл глаза.

Несмотря на удручающую политическую обстановку в стране и неприятности на работе, Арт чувствовал себя счастливым. Рядом была любимая женщина. Он смотрел на неё, пока она глядела в окно. Они ехали из Бруклина по дороге вдоль бывшей береговой линии. Теперь, когда уровень моря понизился, эти земли можно было застраивать. К югу тянулись пустынные равнины, некогда бывшие дельтой Ист-Ривер. Тонкая полоска Гудзона — вот всё, что осталось от Нью-Йоркской гавани у южной оконечности Манхэттена. Статуя Свободы высилась, словно маяк, на правом берегу реки, там, где прежде находился остров Свободы.

Дорога повернула на запад и пошла по равнине, некогда бывшей дном Ист-Ривер, к старому Бруклинскому мосту. Автомобили по нему больше не ездили: после строительства новых дорог содержать мост стало слишком дорого. Однако его не снесли, как другие мосты через Ист-Ривер, а сохранили как историческую достопримечательность и превратили в парк. В темноте мост выглядел тихим, заброшенным и нереальным.

Меган повернулась к Арту.

— Когда смотрю на Нью-Йорк, никогда не понимаю, во сне я живу или наяву, — сказала она и взяла его за руку.

Арт поцеловал её. На этот раз она не отвернулась. Наоборот, обняла его за плечи и ответила на поцелуй.

— Как думаешь, здесь есть камеры? — Меган прервала поцелуй.

— Может быть. А почему ты спрашиваешь? Боишься, что «Нравственное единство» обвинит нас в непристойном поведении в общественном транспорте? — Шутка Арта повисла в воздухе: оба понимали, что она, пожалуй, не так уж далека от истины.

— Знаешь, это очень грустно. — Она откинулась на спинку сиденья. — Иногда мне кажется, что лучше просто переехать в другую страну.

— Звучит заманчиво, но куда поедет человек в здравом уме? — возразил Арт. — Посмотри, что происходит в Европе. Они помешались на искоренении невежества. Зашли слишком далеко в попытках передать политическую власть интеллектуально развитым людям. Ты слышала об их экспериментах с изменением человеческих генов, чтобы дети рождались умнее? В новостях говорили, что они уже много лет этим занимаются.

— Может, идея не так уж плоха, — заметила Меган. — Лучше, чем если все правила устанавливают идиоты.

— Меган, ты не понимаешь. — Арт наклонился вперёд. — Ехать некуда. Неужели ты не видишь? В Европе — диктатура так называемых интеллектуалов и высококультурных людей. Как они могут называть себя интеллектуалами, если считают, что недостаточно умные должны жить где-нибудь в другом месте? По-моему, Европа обезумела ещё сильнее, чем Америка. И, кстати, наше правительство души не чаёт в их Рихтере: заключает с Федерацией соглашения о дружбе, торговля между двумя континентами ещё никогда в истории не была такой оживлённой. Мы, по сути, поделили северные территории Канады и их природные ресурсы между нашими двумя странами.

— Не знаю. Должно же быть где-то лучше. — Меган повернулась к окну и посмотрела на прекрасный силуэт Манхэттена. — На каком этаже ты живёшь? — спросила она.

— На втором, — ответил Арт. — А что?

— Просто любопытно. — Меган продолжала смотреть на небоскрёбы. — Трудно представить, что кто-то живёт на втором этаже в городе, где в каждом здании не меньше пятидесяти этажей.

— Я живу в старом доме, — объяснил он, — но, если хочешь, могу перебраться на пятидесятый этаж в другом районе.

— Арт, ты же знаешь, я не это имела в виду. — Меган обернулась. В голосе её прозвучало раздражение.

— Ладно, я просто подумал, может, ты намекаешь...

— Нет, я просто спросила, — оборвала его Меган, убирая руку.

Арт почувствовал, что их маятники снова начинают расходиться. Он решил, что лучше помолчать и просто постараться насладиться этими минутами с Меган, пока она ещё здесь. Они познакомились больше десяти лет назад, и с самой первой встречи он всегда чувствовал, что вот-вот её потеряет.

На трёхмерном экране компьютера в такси шла запись выступления руководителей «Нравственного единства» на праздновании юбилея его основателя, состоявшемся на прошлой неделе. Арт залюбовался качеством записи: изображение было настолько чётким, словно он смотрел сквозь искривляющее пространство окно в другое место. Потом экран на несколько секунд погас, и на нём появилось сообщение большими красными буквами.

«Тревога! Тревога!» — гласило оно.

— Меган, посмотри-ка! — сказал Арт, указывая на экстренное сообщение. — Ты когда-нибудь видела что-нибудь подобное?

— Нет. — Она посмотрела на экран. — Что это значит?

Глава 4

Был обеденный перерыв, и городские улицы кишели служащими, уличными торговцами и вездесущими туристами. Пятая авеню оставалась такой же оживлённой и роскошной, как двести лет назад. «Кадиллак» генерала Кейси двигался по проспекту, заполненному капсулами такси и реактивными мотоциклами. Казалось, пассажиры даже не замечают, как беспилотные автомобили носят их по городу на скоростях, немыслимых для человека за рулём. Потоки машин и сигналы светофоров были синхронизированы до миллисекунды. Выход пешеходов на проезжую часть контролировали механические шлагбаумы и множество датчиков. Джон был немного старомоден и ездил в своём большом «Кадиллаке» по самой медленной из управляемых компьютером полос. Машина повернула на Сорок вторую улицу и остановилась у штаб-квартиры «Нравственного единства».

Здание, где прежде размещалась Нью-Йоркская публичная библиотека, превратилось в офис одной из самых могущественных организаций мира. Где-то в середине XXI века, когда компьютерные сети охватили почти всё население, библиотеки перестали приносить обществу какую-либо пользу. Вся хранившаяся в них информация стала бесплатно доступна всем в распределённых сетях. Библиотечные книги отсканировали и перевезли в специализированные архивы. Бумажные книги превратились в дорогую, экстравагантную роскошь, доступную лишь очень богатым. Теперь большинство людей видело их только на книжных выставках в городских музеях. Прошлой весной выставка «XX век: золотой век книги» в Метрополитен-музее имела огромный успех. Книжными архивами пользовались только учёные в исследовательских целях. Состоятельные хозяева домашних вечеринок щеголяли книжными полками, заставленными двухсотлетними бумажными книгами, которые хранились при строго определённых температуре и влажности. А библиотечные здания по всей стране превратились в музеи и государственные учреждения.

Генерал Джон Кейси открыл дверцу и вышел из «Кадиллака». Двое морских пехотинцев из охраны отдали ему честь. Он подошёл к входу, глядя прямо перед собой. Всякий раз, входя в это здание, Джон думал, что вполне может не выйти отсюда свободным человеком. В прошлом месяце генерала Шеффилда, командующего Южным фронтом, вызвали в штаб-квартиру «Нравственного единства», обвинили в пособничестве врагу и арестовали. По-видимому, основанием для обвинения стала небрежность в обращении с секретными документами. Только это Джон и узнал из информационного сообщения. Никто не знал, где теперь Шеффилд. Возможно, в секретной тюрьме на острове Рузвельта, на допросе у сотрудников Службы внутренней безопасности. А может быть, ему уже вынесли приговор. Хотя Джон не особенно любил Шеффилда, его пугало, что арест не вызвал даже малейшего волнения. Никто не задавал вопросов. Будто кто-то просто вычеркнул его из списков, словно он никогда не существовал. Высшие офицеры обсуждали военные дела, семьи и любовниц, но ни один даже не пытался заговорить об исчезнувших.

Джон задумался, куда делись охранники: обычно здесь кто-нибудь стоял. Зачем их сменили? Новая ротация?

Он подошёл к деревянной двери с резными украшениями XIX века. За ней находился кабинет Милтона Маклина, главнокомандующего, одного из самых могущественных людей на планете.

— Командующий Девятой армией генерал Кейси, — доложил Джон, войдя в комнату.

— Проходите, генерал, — сказал человек, сидевший за столом в полумраке. — Пожалуйста, садитесь.

Джон подошёл к столу Маклина и сел на один из стульев у края стола для совещаний. Он заметил, что к обеим рукам и шее Маклина подсоединено множество разноцветных проводов, сходящихся в кабель. Кабель крепился к столу и был подключён к прибору на полу.

— Майор Лоуэлл, помогите мне это отсоединить, — сказал Маклин. — Думаю, на сегодня нейростимуляции достаточно.

Офицер собрал все провода и унёс замысловатый прибор. Главнокомандующий достал из ящика стола блокнот и с минуту его рассматривал. Джон слышал, что Маклин пользуется молчанием, чтобы внушать посетителям страх, но его самого было не так легко напугать.

— Говорят, вы очень талантливый командующий, генерал Кейси, — наконец произнёс Маклин.

— Делаю всё, что в моих силах, сэр, — ответил Джон. Голос его звучал сухо и отчётливо.

— Два года назад вам поручили командование войсками в районе Моктесумы, в Мексике, — сказал Маклин, всё ещё глядя в блокнот. — Вы показали, что умеете применять новую, нестандартную тактику. Умеете окружать силы противника, захватывать его территорию и до чёртиков пугать плохих парней.

— Спасибо, сэр. — Генерал Кейси не понимал, к чему идёт разговор.

— В прошлом месяце вы участвовали в симуляции, командуя войсками Федерации в Гренландии и Северной Канаде. — Главнокомандующий говорил с лёгким акцентом. Он поднял глаза от блокнота и направил ручку прямо на Кейси. — А в следующей симуляции командовали американскими войсками и сумели прорвать европейскую оборону в нескольких местах, перерезать основные пути снабжения и окружить большое количество роботизированных и механизированных частей Федерации.

— Так точно, сэр, — подтвердил Джон.

— Это не осталось незамеченным, генерал Кейси, — сказал Маклин. — Члены Верховного военного командования, как и руководители Службы внутренней безопасности, были впечатлены вашей хитроумной стратегией и умением использовать доступные ресурсы для достижения военного превосходства. Я тоже.

Джон сидел неподвижно. Он слушал внимательно, стараясь не упустить ни слова.

— Изучив ваше послужное дело и результаты последних симуляций, — продолжил Маклин, — мы решили выдвинуть вас на должность главы Верховного военного командования.

Джон на миг перестал дышать. Он надеялся, что такая возможность появится, но не ожидал её сегодня.

— Спасибо, сэр, — сказал генерал Кейси, собравшись с мыслями. — Для меня это великая честь. Я понимаю всю ответственность, которую налагает эта должность, и обещаю защищать свою страну и ценности «Нравственного единства»! — Он надеялся, что произнёс полагающиеся восторженные слова как надо.

— Хорошо! — Маклин повернулся и пошёл к огромному настенному экрану, соединённому с центром данных Верховного командования. — Я надеялся это от вас услышать.

Он что-то нажал, и на экране появилась военная карта Арктики. Он немного повернул изображение земного шара, чтобы взглянуть на Северную Америку по одну сторону Арктики, потом повернул обратно, показывая часть Северной Европы, включая Гренландию, Норвегию и Швецию. Маклин обернулся к генералу Кейси. Прищурившись, он изучал Джона, словно раздумывая, можно ли доверить этому человеку сведения, которые он собирался сообщить.

Джон смотрел Маклину прямо в глаза. Двадцать лет во главе «Нравственного единства», контролировавшего и внутреннюю, и внешнюю политику, чьи агенты проникли во все коммерческие компании и научные организации, сделали Маклина невероятно могущественным. По собственной прихоти он мог объявить кого угодно врагом Нравственных ценностей и позо-

ром христианства. Такое обвинение грозило как минимум серьёзными неприятностями на работе, а вероятнее — длительным тюремным заключением. Большинство из миллиарда жителей страны его любили — или, по крайней мере, утверждали, что любят.

Наверное, он считает себя богом, подумал Джон. А может, бог и сам не знает, что он бог? Во всяком случае, в нём больше от бога, чем в том, на кого он так часто ссылается в своих речах.

За последние десятилетия само понятие государственной власти сильно изменилось. Религиозная организация «Нравственное единство» юридически не была частью государства, но на деле выполняла большинство его функций. Христианский бог стал единственной истинной властью. Предписания Нравственных ценностей были выведены из Библии. Но бог теперь обитал не в небесах и не в душах верующих. Он сидел здесь, за этим старым деревянным столом.

— Видите ли, генерал Кейси, в последнее время геополитическая обстановка меняется очень быстро. — Маклин указал на часть карты мира, занятую Федерацией европейских государств. — Взяв под контроль Гренландию и северные районы Гудзонова залива в Канаде, европейцы не только начали выкачивать оттуда природные ресурсы и пресную воду, как предусматривалось нашим Американско-европейским соглашением по Арктике, но и перебросили сюда большое количество воинских соединений.

Маклин нажал кнопку на пульте, и на карте появились разведывательные данные о воинских соединениях Федерации в Арктике.

— Да, мы рассматривали возможность военного конфликта с Европой, но всё это были лишь симуляции. — Маклин умолк и дождался, пока экран покажет перемещения европейских войск в Арктике за последние четыре недели. — Компьютерные игры, если угодно. А здесь вы видите реальную жизнь.

Джон с изумлением смотрел на количество танковых дивизий и механизированных частей, сосредоточенных в Гренландии и вокруг неё.

— Нам нужно самым серьёзным образом изучить последствия действий Федерации, — сказал Маклин, — и стратегии, которые позволят избежать военного конфликта с ней.

— Понимаю, сэр, — сказал Джон и сделал несколько заметок в коммуникаторе.

— Лично мне трудно поверить, что европейцы решатся на что-то вроде открытого вторжения, — продолжил Маклин, возвращаясь к столу. — Против нашей армии и экономической мощи у них нет никаких шансов, и я не думаю, что они способны на такую опрометчивость. Должен сказать: среди секретных депеш, к которым у вас теперь есть доступ, вы найдёте несколько донесений нашей внешней разведки, полученных из европейских консульств в Китае. В них говорится, что Федерация разработала некие планы, предусматривающие вступление на нашу территорию. Я этим донесениям не верю. Существует такая вещь, как преднамеренная дезинформация. Склонен думать, что эти сообщения и военные действия Европы в Арктике — попытка нас сдержать. На самом деле наше военное присутствие на севере намного значительнее европейского, и, полагаю, они чувствуют угрозу.

— Я понимаю вашу точку зрения, сэр. — Генерал Кейси пока лишь хотел ясно понять позицию Маклина. — Можно понять беспокойство Европы из-за нашей армии по соседству с её новыми владениями. Однако нападать на нас с севера — явно неудачная идея. Их пути снабжения были бы непомерно длинными. У их командного состава нет опыта ведения затяжных конфликтов. Кроме того, они не подготовлены к нашим супербурям. У нас сильная армия, а заводы можно легко перевести на выпуск боевых роботов и техники. Открытое нападение было бы с их стороны недальновидным. Даже если они попытаются вторгнуться, дальше Канадской линии укреплений им не пройти.

— Совершенно с вами согласен, генерал, — сказал Маклин. — Сегодня утром я как раз беседовал с послом Федерации. — Он повернулся в кресле. — Вообще-то последние два

месяца я встречаюсь с ним каждую неделю. И всякий раз говорю одно и то же: Америка ощущает угрозу со стороны азиатских соперников. Россия может войти в Канаду через Аляску. Китай может получить от России разрешение пройти по равнинам Северной Сибири и одним стремительным манёвром захватить канадские арктические земли, богатые пресной водой, в которой он так остро нуждается. Эти угрозы весьма серьёзны, поэтому Америка держит на севере такое количество войск. Европе нечего опасаться нашего военного присутствия. Мы дружны с Федерацией, и ни одна из сторон не заинтересована в том, чтобы это изменилось. Мы должны сделать так, чтобы Федерация не напала. Должны убедить их, что не представляем для них угрозы.

— У вас есть соображения, как нам этого добиться? — спросил генерал Кейси.

— Забавно, что вы упомянули Канадскую линию укреплений, — сказал Маклин с лёгкой улыбкой. — Как вам прекрасно известно, её построили сорок лет назад, когда мы впервые задумались об угрозе нашим арктическим границам. Но недавно я решил, что пора пересмотреть вопрос о том, нужны ли нам до сих пор эти оборонительные сооружения. Нам хотелось сделать дружеский жест в адрес наших европейских друзей. Нужно было показать, что мы рассчитываем исключительно на дружественные отношения с ними.

— Простите, сэр, а в каком именно состоянии сейчас находится Канадская линия укреплений? — Руки генерала Кейси напряглись.

Маклин нажал кнопку на пульте и выключил экран с картой мира.

— Поскольку линия укреплений больше не служила никакой цели, Верховное командование приказало её демонтировать, — сказал Маклин. — Наши границы отодвинулись дальше к северу, и новую линию обороны нужно строить там.

По спине генерала Кейси пробежал холодок. Демонтировать собственную оборону, прежде чем готова новая линия укреплений, было огромной ошибкой с точки зрения военной стратегии.

— Когда новая линия будет закончена, сэр? — спросил генерал Кейси.

— Очень скоро, генерал, — сказал Маклин, глядя в коммуникатор. — Не беспокойтесь. Через шесть месяцев она будет готова.

— При всём уважении, сэр, так мы открываем возможному противнику путь без всякого сопротивления от Крайнего Севера до населённых районов в центре США, — возразил Джон.

— Именно такого ошибочного образа мыслей мы и должны избегать, генерал. — Маклин указал рукой на Джона. — Европейцы нам не враги. Они наши друзья. Мы подписали с ними соглашение и сотрудничаем на канадском севере. Сейчас наша главная задача — их не провоцировать. Нужно проявить добрую волю. Надеюсь, здесь мы с вами придём к согласию.

Генерал Кейси вышел из штаб-квартиры «Нравственного единства» со смешанными чувствами. С одной стороны, он был доволен, что наконец занял высший военный пост — пост, для которого, как ему всегда казалось, он был предназначен. С другой, он был уверен: подход Маклина к наращиванию европейских сил может обернуться катастрофой, если Федерация нападёт из Арктики. Он ехал через город обратно на военную базу к югу от делового центра Манхэттена, там, где прежде была дельта Гудзона. Он смотрел на прохожих, мирно шагавших по улице, и думал, сколько людей сможет призвать в случае полномасштабной войны и как быстро. Сколько из них прошли военную подготовку и смогут пополнить механизированные дивизии. Сколько умеют управлять роботизированными пушками и артиллерией. Жизнь шла своим чередом, словно никакой угрозы не было. И, возможно, её действительно не было, но лучше бы Маклин оказался прав. Иначе они ни за что не успеют подготовиться.

Глава 5

Лукас Браун посмотрел на своего давнего друга Хайнца Херрмана и заметил, что сегодня в нём что-то изменилось. Они дружили двадцать пять лет, с тех пор как познакомились в военной академии в Меце. Оба сделали успешную военную карьеру. Херрман, теперь генерал-лейтенант механизированных войск, всегда был самым умным на курсе. А ещё — бунтарём: часто не соглашался с предписанными решениями и предлагал свои. Он обладал необыкновенным обаянием, и говорили, что, приказывая солдатам идти в бой, он одним выражением лица способен убедить их в неизбежности победы.

— Хайнц! Хорошо выглядишь сегодня! Что случилось? — сказал Лукас, пожимая другу руку, когда они усаживались за стол. Они часто встречались в этом ресторане в центре Потсдама, чтобы выпить по паре кружек пива. — Ты наконец уговорил ту симпатичную операторшу переспать с тобой? — пошутил Лукас.

— Ты только о женщинах и сексе и можешь думать? — улыбнулся Хайнц. — Тебя что, ничто другое не радует?

— Нет. Ничто, — признался Лукас. — А серьёзно, что случилось? — В последнее время Хайнц был не в духе, и выглядеть таким счастливым без причины было на него не похоже.

— Могу рассказать, но поверь, друг мой, женщины тут ни при чём, — сказал Хайнц, наклоняясь вперёд.

— Ты убедил Верховное командование применять твою синхронизированную тактику? — спросил Лукас.

— Не совсем, — улыбнулся Хайнц.

— Тогда не понимаю. — Лукас поднял брови. — В чём дело?

— Я написал письмо Рихтеру, и он убедил европейское Верховное командование применить мою синхронизированную тактику, — ответил Хайнц.

— Охренеть! — Глаза Лукаса расширились. — Ты написал самому Рихтеру?

— Да, потому что Верховное командование слишком держится за порядки, заведённые бог знает когда, — сказал Хайнц, открывая меню. — Они не понимают, что современные войны надо вести иначе. Ладно, пива хочешь?

— Поздравляю! — Лукас снова пожал другу руку. — Конечно! За это надо выпить!

Хайнц взмахом руки подозвал официантку-дроида и заказал два пива.

— Ещё меня повысили, — продолжил он. — Их можно понять. Иначе они не смогли бы дать мне полномочия осуществить задуманное.

— Невероятно! — сказал Лукас.

Робот-официант принёс пиво.

— Так кто ты теперь? — спросил Лукас. — Полевой генерал?

— Именно, — сказал Хайнц, поднимая бокал. — Командующий Второй синхронизированной группой.

Они отпили пива.

— Что за чёрт эта Вторая синхронизированная группа? — Лукас поставил бокал. — Никогда о ней не слышал.

— Новое соединение, созданное Рихтером на прошлой неделе, — объяснил Хайнц.

— А что именно сказал Рихтер? — спросил Лукас.

— Он сказал, что был впечатлён действиями моей синхронизированной дивизии при разгроме канадских повстанцев и остатков канадской армии на Северных территориях, — объяснил Хайнц. — Сказал, что в конечном счёте противника сломали стремительность и гибкость нашей атаки. Для будущих кампаний он хочет создать три синхронизированные группы и поставил меня во главе той, которую первой полностью укомплектуют. Она называется Второй синхронизированной группой.

— За это стоит выпить ещё раз! — предложил Лукас, широко улыбаясь. — Всё-таки эти люди наверху иногда способны здраво мыслить.

— Осторожнее со словами, друг мой. Кто знает, какие подслушивающие устройства притаились здесь на стенах под видом мух. — Хайнц огляделся. — Как бы то ни было, к большинству других армий Федерации добавляют как минимум по одному синхронизированному соединению. А знаешь, что возьмут за образец?

— Твою дивизию? — спросил Лукас.

— Именно. — Хайнц широко улыбнулся.

Они чокнулись.

— За дивизию, которая прорвала канадскую оборону за два часа, — сказал Лукас. Они выпили.

Лукас знал, насколько впечатляющей была победа Хайнца: о ней говорили все. Канадские силы превосходили его войска, местами — вдвое. Он сумел уничтожить опорные пункты их обороны, сосредоточивая свои силы на ключевых позициях и мгновенно перенося главный удар с одного участка на другой. Такая точность стала возможна только благодаря новой системе, разработанной Хайнцем: тысячам датчиков и тысячам крошечных компьютеров, установленных на каждом снаряде, и сети, связывавшей все эти элементы воедино.

— Знаешь, чего мы сможем добиться, если разовьём эту идею и станем строить новые армии с расчётом на синхронизированную тактику? — спросил Хайнц.

— Нет. — Лукас поставил бокал.

— Мы сможем победить Америку, — спокойно сказал Хайнц.

— Они всерьёз об этом думают? — с подозрением спросил Лукас.

— Исключать нельзя ничего. — Хайнц посмотрел на друга. — Нужно быть готовыми к их агрессии. А лучшая защита — ну, сам знаешь.

— Просто не вижу, что хорошего может из этого выйти, — сказал Лукас, размышляя о перспективах новой войны.

— Ты знаешь, что американцы сейчас развёртывают четыре армии на юге Канады? — заметил Хайнц. — Совсем близко от районов, где расположены наши части. Представляешь, что будет, если они ударят первыми? Мы понесём огромные потери! У нападающего всегда преимущество внезапности, а главное — ему принадлежит инициатива. Мы ни за что не должны отдавать инициативу.

— Что ж, похоже, все твои труды наконец окупаются, — сказал Лукас.

Хайнц Херрман размышлял о том, как расширит применение своей синхронизированной тактики и внедрит её в целых армиях.

— Это большое достижение, Хайнц, — добавил Лукас. — И для тебя, и для всей Федерации.

— Надеюсь, мне позволят осуществить задуманное, — сказал Хайнц, допив пиво. — Иногда мне кажется, что высшее руководство попросту не замечает, когда его эксперименты удаются. Они часто не держатся за проверенные решения. Живут в вымышленном мире собственных идей, совершенно не считаясь с действительностью.

— Не понимаю, — сказал Лукас. — Тебя только что назначили на ключевой пост! От тебя будет зависеть, какой станет вся европейская армия в ближайшие годы!

— Верно, но я боюсь, что эта армейская реформа и моё назначение — скорее случайность, чем результат продуманного решения, — ответил Хайнц. — Остаётся надеяться, что мне дадут достаточно времени перестроить наши вооружённые силы, прежде чем всё снова пойдёт наперекосяк.

— Поверить не могу! — воскликнул Лукас. — Тебя только что повысили, дали карт-бланш на преобразование самых мощных вооружённых сил в мире, и что я слышу? Опять говорит пессимист?

— Нет, пессимист сказал бы, что победить американцев невозможно, — возразил Хайнц. — А я считаю, что мы можем победить, если будем следовать моей тактике.

Шум в ресторане вдруг немного стих. Хайнц и Лукас посмотрели на вход и увидели двух только что вошедших офицеров Эскадрона интеллектуального контроля.

Эскадрон создал сам Рихтер как подразделение личной охраны. За последние несколько лет он разросся далеко за первоначальные пределы и теперь насчитывал как минимум четыре дивизии, о которых было известно Лукасу. Возможно, больше. ЭИК не подчинялся армейскому командованию. У него были собственные генералы, подотчётные непосредственно Рихтеру. Армейские офицеры презирали интеллектуальный контроль: они считали, что ему дали слишком много привилегий, а необходимых военных знаний, чтобы разумно распоряжаться своей властью, ему недостаёт.

Главной задачей ЭИК было насаждение новой идеологии, которая должна была переориентировать общество на технику, науку и культуру. Согласно Программе интеллектуального развития, принятой парламентом Федерации и получившей силу закона, все частные и государственные предприятия, школы, университеты и колледжи, неправительственные организации и отдельные семьи должны были способствовать техническому прогрессу Федерации перед лицом катастрофических перемен, произошедших на планете за последнее столетие. В программе утверждалось: начать разработку принципиально новых технологий, чтобы в конечном счёте покинуть планету до полного исчезновения воды на ней, — вопрос выживания. Когда это случится, не мог предсказать никто.

Согласно программе, любые занятия, способные тормозить техническое развитие, подлежали прекращению. Тех, кто противился техническому прогрессу или содействовал распространению идеологий, препятствующих развитию техники и науки, следовало наказывать. Сюда относились все распространители «средневековых верований и обычаев», то есть все, кто относился к религии достаточно серьёзно, чтобы исповедовать её открыто или тайно. Церкви не разрушали, но священники не могли исполнять свой долг, не нарушая закона. После вступления в силу Программы интеллектуального развития многие религиозные здания опустели, поскольку законно посещать их никто не мог. Немногие церкви, мечети и синагоги оставались открытыми, и отдельные преданные прихожане приходили туда, молча стояли в пустых залах, словно в музее.

Эскадрон интеллектуального контроля служил очистительным механизмом, устранявшим элементы, которые не поддерживали официальную программу развития. Рихтер начал с верхов, добившись отстранения от власти всех, кто не поддерживал его политику. Потом ЭИК разросся и взялся за множество других организаций. В конце концов под его надзором оказалось почти всё население Федерации. Обвинённым в противодействии политике интеллектуального развития запрещали работать в государственных учреждениях. Ни одна крупная корпорация тоже не могла рисковать репутацией, нанимая таких отступников. Признанным вредными для общества оставалась низкооплачиваемая работа: управлять мусоровозами или разбирать старых роботов в надежде перепродать детали на вторичном рынке. Многие оказывались на улице, но вскоре их арестовывали, поскольку попрошайничество и бездомность были объявлены вне закона.

— Да здравствует и процветает Федерация! — воскликнул усталый полковник ЭИК, заметив Херрмана и Брауна. Оба офицера отдали им честь. Даже ЭИК приходилось уважать высокопоставленных военных.

Подкатила официантка-дроид и обратилась к Хайнцу:

— Прошу прощения, сэр, но, кажется, в нашем ресторане больше нет свободных столиков. Вы не возражаете, если эти господа сядут на другом конце вашего стола?

— Нет-нет, в этом нет необходимости, — сказал младший из двух офицеров ЭИК. — Уверен, поблизости найдутся и другие приличные заведения.

— Да не стесняйтесь, подполковник, — сказал Хайнц. — Садитесь уже и выпейте с нами.

— Спасибо, сэр, — ответил офицер. Они сели за стол и сделали заказ.

— Скоро вы, ребята, станете главными, и уже нам придётся спрашивать разрешения сесть за ваш стол, — заметил Лукас и засмеялся, предприняв сомнительную попытку разрядить неловкую обстановку.

— Как вас зовут, господа? — спросил Хайнц.

— Полковник Майер, — ответил первый офицер.

— А я подполковник Энгель, — доложил второй.

— Это генерал Браун, а я генерал Херрман, — представился Хайнц.

— О, мы знаем, кто вы, сэр, — сказал Энгель.

— Ты знаменит! — улыбнулся Лукас. — Хотя не уверен, что широкая известность среди сотрудников интеллектуального контроля полезна для здоровья.

Офицеры ЭИК взяли напитки у официантки-дроиды. Полковник Майер явно благоволил перед Хайнцем и хотел с ним поговорить. Он задал несколько вопросов о тактике, применённой в канадской кампании, и о предстоящем техническом усовершенствовании армейских частей.

— Обсуждать стратегию и новые военные технологии всегда увлекательно, — заметил полковник, — особенно с теми, кто находится на переднем крае этой области.

— Идеи — лишь малая часть победы, — объяснил Хайнц. — Сражения выигрывают не машины и не стратегии. Их выигрывают люди, которые верят в себя.

Полковник ЭИК с минуту обдумывал эту фразу, потом отпил ещё пива. Большой подбородок и широкие челюсти не придавали его лицу особого ума. Лукасу почудилось в его чертах что-то очень неандертальское.

— Кстати, полковник, что вам известно о планах ЭИК на Америку? — спросил Хайнц.

— А что, мы собираемся начать там интервенцию? — спросил полковник Майер.

— Не обязательно, но, сами понимаете, нужно предусматривать всё, — сказал Хайнц, глядя на офицеров ЭИК с тёплой улыбкой. — Мы должны сохранять свободу выбора. А вы, ребята, планируете даже лучше нас. Наверняка вы рассматривали такую возможность и продумывали её последствия.

— Именно, — поддержал друга Лукас. — Армия Федерации может окружать и брать в плен вражеские части, продвигаться по территории противника, но наводить порядок в тылу придётся вам. Как вы собираетесь это делать?

Полковник Майер немного помедлил и глотнул пива, прежде чем ответить.

— Я слышал некоторые обсуждения на эту тему, — сказал он. — Главная проблема оккупации обширных территорий с большим населением в том, что непонятно, куда девать всех этих людей. Я почти уверен, что кормить и обеспечивать жильём американских деревенщин мы в первую очередь не собираемся. Наша главная задача — искоренить религиозное мышление и установить власть техники и культуры.

— Если позволите, я добавлю, — сказал подполковник Энгель. — На прошлой неделе мне поручили работу над планом, предусматривающим как раз такое развитие событий. Не знаю, примут ли этот план, не говоря уже о его осуществлении. Тем не менее его аналити-

ческая часть исходит из того, что мы не сможем прокормить всех жителей оккупированных территорий; более того, наши потребности в продовольствии для собственных войск будут расти по мере того, как пути снабжения через Арктику станут всё длиннее и, следовательно, менее надёжными. Кроме того, мы рискуем потерять часть наших сельскохозяйственных районов: они могут быть уничтожены или заражены в результате ответного удара баллистическими ракетами.

— И что же мы намерены делать? — спросил Лукас.

— План делает вывод, — продолжил Энгель, — что единственным способом вести длительную войну, снабжать продовольствием войска и кормить наши семьи дома будет экспроприация запасов на завоёванных территориях.

— А когда мы отберём продовольствие у покорённого населения, что будут есть эти люди? — спросил Хайнц.

— Согласно плану, в первые два года оккупации следует ожидать острого дефицита продовольствия у местных жителей, — объяснил Энгель, — пока численность населения естественным образом не сократится примерно на треть. Через два года война закончится, и мы сможем восстановить сельское хозяйство до уровня, который позволит прокормить всех.

— Похоже на искусственно устроенный голод, — заметил Хайнц.

— Да, поэтому его и называют «Планом голода», — улыбнулся Энгель. — В первые два года оккупации мы постараемся отобрать прогрессивно мыслящих людей и тех, кто может пригодиться нам для ускорения технического прогресса. Разумеется, религиозные люди, далёкие от науки и техники, будут нам мало полезны, и их пайки значительно сократят.

— Разумеется, — задумчиво ответил Хайнц.

Глава 6

Генерал Джон Кейси сидел в своём кабинете на военной базе к югу от Нью-Йорка. Он изучал разведывательные донесения, подробно описывавшие перемещения вооружённых сил Федерации на севере Канады. Стояла середина июня, в городе дни были особенно жаркими, но здесь, на территории военного комплекса, лёгкий северный ветерок приносил немного свежего воздуха. Из окна было видно, как слегка покачиваются на ветру несколько деревьев, недавно посаженных возле армейских казарм.

Ранее в тот день Джон получил два сообщения от сотрудников военной разведки, работавших за океаном. Первое пришло из европейского посольства в Китае, второе — от агента в Верховном командовании Федерации. Оба сообщали, что через несколько дней вооружённые силы Федерации собираются вторгнуться в Соединённые Штаты с севера Канады. Оба агента даже назвали одно и то же точное название операции: «Пангея» — в честь гигантского материка, существовавшего триста миллионов лет назад и со временем распавшегося на современные континенты. Джон предположил, что название подразумевает воссоединение материков — несомненно, начиная с Северной Америки.

Однако этих разведданных оказалось недостаточно, чтобы убедить Маклина: вооружённым силам США необходимо готовиться к обороне северных границ страны. В последние дни генерал Кейси раз за разом предъявлял доказательства и выводы, пытаясь убедить Маклина, что пора привести все части в высшую степень боевой готовности и приготовиться к неминуемому нападению. Но Маклин думал иначе. Сегодня утром он отверг последние донесения военной разведки.

— Генерал Кейси, мне кажется нелепым, что столь вдумчивый военачальник верит всей этой дезинформации, которой нас пичкают диверсанты из Китая, — сказал Маклин; лицо его выражало абсолютную уверенность. — Если мы усилим войска вдоль северной границы, европейцы воспримут это как признак нашей враждебности. Вы ведь это знаете!

Маклин немного помолчал, не сводя с Джона глаз.

— Мы не должны плясать под дудку провокаторов и реагировать на подобные донесения, — сказал Маклин. — В конце концов, европейское посольство всё ещё открыто, не так ли? Даже их военный атташе здесь, в Нью-Йорке. Если хотите, мы можем попросить его ответить на ваши вопросы о перемещениях войск Федерации в Арктике. Но, пожалуйста, занимайтесь своим делом, генерал. Мы назначили вас главой Высшего командования не для того, чтобы вы потакали беспочвенным домыслам.

Заниматься своим делом, подумал Джон. Моя жизнь — это моё дело. Я им живу и дышу. Ложусь спать — и даже во сне думаю о работе. Я делаю свою работу так, как, по моему убеждению, её следует делать. Но перешагнуть через этого упрямого, самоуверенного идиота он не мог. Все попытки убедить Маклина оказались тщетными. Тот не поверит правде, пока не станет слишком поздно.

В тот же день Маклин и генерал Кейси встретились с военным атташе Федерации. Джон уже несколько раз виделся с ним. Посланник часто бывал в Нью-Йорке, посещал правительственные учреждения и штаб-квартиру «Нравственного единства». С Маклином у него были хорошие отношения. США и Федерация даже пытались организовать некую программу военных обменов, хотя она так толком и не заработала.

Этот человек был спокоен, как туман летним утром. По его лицу ничего нельзя было прочесть. Увеличение европейского военного контингента в Арктике атташе объяснил тем, что Федерация готовится начать учения: отрабатывать оборонительные манёвры на случай нападения из Сибири через сухопутную перемычку, некогда бывшую дном Берингова пролива.

— Эти учения никоим образом не направлены на то, чтобы угрожать Соединённым Штатам, — сказал он.

Джон не поверил. Именно это и должен был сказать человек, скрывавший настоящий план вторжения. Он вернулся в свой кабинет и вновь перечитал все разведывательные донесения, пытаясь найти неопровержимое доказательство подлинных намерений армии Федерации.

Зазвонил коммуникатор Джона. Он ответил.

— Генерал Кейси слушает, — сказал Джон.

— Генерал, это майор Томас, — произнёс голос. — Вы просили позвонить, если мы заметим что-нибудь подозрительное возле посольства Федерации.

— Да, — сказал генерал Кейси. — Что происходит?

— Похоже, они эвакуируются, — сказал майор Томас. — Посмотрите видеотрансляцию.

Джон включил экран. Он увидел ряд машин, выстроившихся возле европейского посольства в Вашингтоне. Сотрудники посольства и их семьи организованно садились в транспортные фургоны, туда же грузили вещи. Судя по всему, на завершение эвакуации им требовался всего час, а затем ещё несколько часов — чтобы пересечь Атлантику. Джон был уверен: и эвакуации они найдут объяснение.

— Спасибо, майор, — сказал генерал Кейси. — Продолжайте наблюдение.

Джон распорядился отправить донесение Маклину.

Затем поступил следующий звонок — на этот раз из порта Нью-Йорка. Порт, расположенный примерно в ста тридцати милях от города, был оживлённым узлом беспилотного грузового судоходства и базой ВМС США. В рамках программы военных обменов там стояли и два эсминца флота Федерации. Армейский агент сообщил по телефону, что все европейские военные корабли только что вышли из порта и, по-видимому, некоторые европейские беспилотные грузовые суда тоже получили команду выйти в открытое море. Через несколько минут Джон узнал, что то же самое произошло в портах Майами и Северной Каролины.

Генерал Кейси позвонил в космопорт имени Джона Кеннеди и связался напрямую с диспетчерами воздушного и космического движения. Выяснилось, что за последние пятнадцать минут взлетело множество суборбитальных аппаратов, зафрахтованных европейским правительством или принадлежавших ему. Диспетчеры нервничали и пребывали в растерянности. Генеральный директор космопорта тоже был на взводе. Он только что узнал, что подобное происходит и в других крупных космопортах восточного побережья. Несколько европейских суборбитальных аппаратов ещё оставались на стартовых площадках, но уже готовились к взлёту.

— Задержать их отправку? — спросил директор космопорта имени Кеннеди.

Только если хотите, чтобы ваш полицейский отряд перебила спецхрана Федерации, подумал Джон. — Это плохая идея. Я пришлю своих людей, они их задержат.

Джон закончил разговор. Он приказал направить в космопорт имени Кеннеди воинское подразделение, поставив задачу задержать все рейсы в Европу. Отдавая этот приказ, он понимал: страна начинает военную операцию на собственной территории. Он попытался осмыслить последние события.

До полномасштабного нападения оставалось, вероятно, лишь несколько часов. Сейчас было девятнадцать ноль-ноль, значит, оно начнётся либо сегодня ночью, либо завтра рано утром. Наши части окажутся не готовы. В первые часы вторжения погибнут десятки тысяч.

Джон связался с оперативной разведкой.

— Наведите один из наших спутников на виллу европейского военного атташе на Лонг-Айленде, — распорядился Джон. — Да, я знаю, что это против правил. Это приказ. Ответственность я беру на себя. Перезвоните, как только всё будет готово.

Наступило короткое затишье. Подразделение, отправленное в космопорт имени Кеннеди, не успело задержать дипломатические рейсы в Европу. Но несколько оставшихся европейских коммерческих рейсов военные задержали, не встретив сопротивления. На экране появилось спутниковое изображение виллы военного атташе Федерации: ничего подозрительного. На секунду Джон даже подумал, что, возможно, слишком остро реагирует.

Через три часа позвонил Маклин.

— Я получил ваше сообщение об отъезде сотрудников европейского посольства, — сказал Маклин. — Мы уже об этом говорили, и я повторяю ещё раз. По-моему, вы создаёте проблему на пустом месте. Они сообщили мне об этом несколько недель назад: отъезд связан с каким-то правительственным мероприятием, запланированным уже давно. Почему вы сочли эту запись настолько важной, что решили прислать её мне, генерал? У вас есть другое правдоподобное объяснение?

— Господин Маклин, они эвакуируют посольство, готовясь к войне, — твёрдо сказал генерал Кейси. — К этому времени они уже приземлились в Европе. Я ожидаю, что арктические дивизии Федерации в любой момент начнут наступление через наши северные границы.

— А их военный представитель? — спросил Маклин. — Он тоже уехал?

— Сейчас проверю. — Кейси взглянул на спутниковую видеотрансляцию. — Как я и думал.

— Что ещё? — нетерпеливо спросил Маклин.

— Позвольте показать вам, господин Маклин, — сказал Джон и перенаправил в штаб-квартиру «Нравственного единства» видеотрансляцию с виллы военного представителя на Лонг-Айленде.

Картина на заднем дворе виллы разительно отличалась от спокойствия, царившего там всего несколько минут назад. Из шахты на территории виллы готовилась к старту баллистическая суборбитальная транспортная ракета. Кейси и Маклин смотрели прямую трансляцию и видели, как из главного здания по лужайке бегут несколько человек, неся что-то похожее на стопки компьютеров.

— Они тоже эвакуируются? — спросил Маклин; теперь его голос слегка дрожал.

Джон не успел ответить. На экране поднялся столб дыма. Ракета оторвалась от земли и начала набирать высоту.

Несколько секунд Маклин молча наблюдал за поднимающейся ракетой. Она медленно набрала около тысячи футов, затем наклонилась и переключилась с небольших стартовых двигателей на основную реактивную тягу. Через несколько секунд она исчезла из поля зрения спутниковой камеры, улетаая на северо-восток.

— Вы можете приехать в штаб-квартиру, генерал Кейси? — сказал Маклин. — И попробуйте позвонить военному атташе. Может быть, он ещё здесь.

— Да, сэр, — ответил Джон. — Буду через двадцать минут. А пока прошу вашего решения привести все наши части в Арктике в повышенную боевую готовность.

Маклин ничего не ответил.

— Сэр, нам нужно привести части в боевую готовность сейчас, — настаивал Джон.

— Высшее командование сможет принять это решение, когда вы приедете, — ответил Маклин и прервал связь.

Генерал Кейси велел помощнику звонить европейскому представителю каждую минуту, пока не удастся получить хоть какой-нибудь ответ. Кроме того, он приказал отправить к нему на виллу разведывательную группу. Затем сел в вертолёт и полетел в город.

Пролетая над равнинами южной части Нью-Йорка, он смотрел на поток машин на шоссе, ведущих к космопорту имени Кеннеди. Вдали самолёты взлетали и заходили на посадку. Он думал о людях, летевших в этих самолётах и ехавших в этих машинах. Он знал, что за последние десятилетия общество стало циничным и перестало доверять правительству. Многие ненавидели «Нравственное единство». Найдут ли они причину вступить в борьбу с самым грозным противником, с каким когда-либо сталкивалась эта страна? Что нужно сказать этим людям, чтобы они поверили: в грядущей войне стоит отдать жизнь? Ведь эта война лишь защитит господство христианской элиты.

В штаб-квартире «Нравственного единства» Джон встретился с членами Высшего командования. Вокруг стола для совещаний сидели генералы Уилсон, Гомес, Морено и Браун, во главе стола — Маклин. На стену проецировались карта арктического региона и последние снимки со спутников-разведчиков. Ровный рассеянный свет заполнял комнату без окон.

— Добрый вечер, господа, — приветствовал генерал Кейси членов Высшего командования.

Маклин сидел молча. Джон посмотрел на последние спутниковые снимки на стенах командного зала, затем повернулся к собравшимся.

— Думаю, нет нужды знакомить вас с событиями дня, — сказал генерал Кейси. — Мы должны немедленно привести войска в Арктике в высшую степень боевой готовности, готовясь к вторжению с севера.

Никто не возразил. Джон посмотрел на Маклина и немного подождал, но тот никак не отреагировал.

— Связь, — обратился Джон к офицеру. — Немедленно передайте приказ: всем частям подготовиться к неминуемому нападению из Арктики. Всем подразделениям занять оборонительные позиции, поднять в воздух беспилотники и авиацию, отвести гражданский персонал, подготовить артиллерию и автономную технику. — Генерал Кейси отдал ещё несколько необходимых распоряжений и закончил диктовать приказ. Затем повернулся к остальным членам Высшего командования.

— Нужно отключить наши геолокационные спутники и увести их с нынешних позиций, — сказал Джон. — Немедленно подключайте Космическую дивизию.

Генерал Уилсон взял коммуникатор и передал распоряжение. Почти сразу вошёл офицер связи и доложил: приказ генерала Кейси передан, но его получение подтвердили лишь одиннадцать из двадцати пяти дивизий, расположенных вблизи северных границ.

— Продолжайте попытки передать приказ, — настаивал Джон. — Любыми средствами. Если нужно, отправьте самолёт с посыльным. Мне всё равно!

— Так точно, господин генерал! — ответил офицер.

Джон повернулся к Уилсону: — Мне нужно подтверждение, что наши навигационные спутники целы и переведены в режим ожидания.

— Пока подтверждена сохранность двадцати процентов спутников; им передана команда изменить положение и перейти в режим ожидания, генерал, — доложил Уилсон. — Без полного спутникового покрытия мы, возможно, не сможем наводить наши межконтинентальные баллистические ракеты.

— Будем надеяться, что у нас останется достаточно спутников, чтобы навести хоть что-нибудь. — Джон посмотрел на часы. Было почти полночь. Вероятно, сообщения не доходили до некоторых командных пунктов на севере из-за диверсий на линиях связи, но неужели повреждения и в самом деле столь масштабны? Ещё даже не было ясно, какие звенья связи пострадали: спутники, наземные кабели или радиопередатчики. Любое из этих средств связи могли повредить в ходе оставшихся незамеченными атак подразделения спецназа Федерации, действующие на американской территории.

В старину сражения начинались рано утром. Но современная боевая техника — не говоря уже о долгом арктическом лете — снимала все ограничения, связанные со световым днём. Операция могла начаться в любое время суток. Первоначальное наступление могло продолжаться двадцать четыре часа — или столько, сколько выдержат солдаты Федерации. В арктических широтах солнце ещё несколько недель не зайдёт за горизонт.

— Господа, — Морено поднял голову; лицо у него было напряжённым. — За последние двадцать четыре часа поступило тридцать восемь сообщений о нарушении нашего воздушного пространства в Арктике военными самолётами Федерации. Вчетверо больше, чем за предыдущие сутки.

— Они сбрасывают грузы? Кто-нибудь из них сбрасывал боеприпасы? — спросил генерал Кейси.

— Нет, скорее всего, это самолёты-разведчики, — ответил Морено.

— Генерал Кейси, это только что поступило, — сказал генерал Гомес и нажал несколько кнопок на панели. — Прямая трансляция с аэродрома в Арвиате.

На экране был бетонный аэродром с двумя космическими стартовыми площадками; из разрушенных ангаров клубились два столба чёрного дыма.

— База сообщает, что на них только что напали, — сказал Гомес. — Большая часть воздушных беспилотников и два суборбитальных аппарата поражены. — Гомес пробежал глазами сведения на своём экране. — Вот ещё! — внезапно воскликнул он. — Срочное сообщение с другого аэродрома. Похоже, с севера прилетели крылатые ракеты. Наведение осуществлялось по европейской космической навигации.

— Кто-нибудь, соедините меня с послом Федерации, — приказал Джон. — Господин Маклин, прошу разрешения нанести ответный удар. Они начали конфликт, и мы должны ответить немедленно.

Маклин сидел неподвижно и, казалось, думал о чём-то другом. Генерал Кейси стоял рядом и ждал ответа.

В комнату вбежал офицер: — Посол на связи, сэр.

— Господин Маклин, — сказал генерал Кейси, — вам нужно поговорить с послом. Политикой занимаюсь не я. Я знаю, как воевать нашей армией, но любая помощь дипломатии — пусть сейчас от неё, вероятно, уже мало толку — всё же была бы очень полезна. — Джон пристально смотрел на Маклина. Остальные военачальники сидели молча. — Выведите посла на большой экран, — приказал Джон.

На экране появился аккуратно одетый посол. Маклин наконец вышел из оцепенения и поднялся со стула. Он повернулся к камере и обратился к послу.

— Господин посол, наши воинские части, расположенные в арктическом регионе, сообщают, что подверглись удару крылатых ракет Федерации... — начал он.

— Господин Маклин, — прервал его посол, — я должен передать вам официальное сообщение моего правительства.

Все в комнате замолчали. Посол поднял лист бумаги и стал зачитывать сообщение Министерства иностранных дел Федерации европейских государств. Он говорил о Договоре об арктических природных ресурсах, подписанном США и Федерацией несколько лет назад, и о том, что США не соблюдают его принципы. Он утверждал, что Америка подорвала мир, разместив свои вооружённые силы на севере Канады. Продолжающееся сотрудничество с Китаем подрывало политические преобразования, осуществляемые в Европе, — преобразования, призванные сделать возможным следующий скачок технических новшеств, который поможет спасти человеческий род от вымирания. Далее в документе утверждалось, что Америка поддерживает агентов, пропагандирующих внутри Федерации архаичные религиозные движения. США саботируют технический и культурный прогресс, от которого зависит всё человечество.

— Таким образом, — читал посол, — Соединённые Штаты нарушили договоры с Федерацией. Военное руководство Федерации полагает, что американская армия готовила вторжение на территории, подконтрольные Федерации. Это нападение подорвало бы борьбу Европы за выживание и борьбу человечества за жизнь. Поэтому президент Федерации, её верховный главнокомандующий, приказал вооружённым силам противодействовать этой угрозе всеми имеющимися в их распоряжении средствами.

Посол молча смотрел в экран, но никто в зале оперативного управления не находил слов.

— Сожалею. Дальнейших контактов со мной не будет, — сказал посол и отключился от видеоконференции.

Генерал Кейси посмотрел на Маклина. Тот не отрывал глаз от погасшего экрана, на котором посол Федерации только что сокрушил его иллюзии о мнимой дружбе между Америкой и Федерацией. Дружба двух государств, длившаяся два столетия, внезапно оборвалась. Лицо Маклина побледнело. На нём застыло полное неверие в происходящее.

— Господин Маклин! — громко сказал генерал Кейси.

Маклин, словно всё ещё потрясённый, отвернулся от экрана и посмотрел на Джона.

— Мне нужно ваше разрешение нанести ответный удар всей мощью, — заявил генерал Кейси, — при необходимости с применением водородно-ядерного оружия.

Маклин поднялся и медленно пошёл к выходу. У двери он остановился и обернулся. Он словно постарел на десять лет по сравнению с тем, каким был всего час назад; глаза пожелтели и слезились, бровь подёргивалась.

— Разрешаю полномасштабный ответный удар, — сказал он, выходя из комнаты и медленно закрывая за собой дверь.

Глава 7

— Эй, что происходит? — спросила Меган, глядя на информационный экран приборной панели, где мигало сообщение красными буквами. — Пишет, что пропал сигнал спутника.

— Никогда такого не видел, — Арт прочитал предупреждение. — Наверное, какой-то сбой навигационной системы. Должны скоро исправить.

Их беспилотное такси остановилось под Бруклинским мостом, неподалёку от въезда на него со стороны Манхэттена. Машина перегородила крайнюю левую полосу для беспилотного транспорта. Арт огляделся и заметил, что движение на двух из трёх остальных полос тоже остановилось. Человек в машине справа сидел с растерянным лицом и пытался нажимать кнопки на экране управления своего беспилотного такси. Двигалась только полоса для машин с ручным управлением — на две полосы правее той, где стояли Арт и Меган.

— Ты умеешь этим управлять? — Меган с надеждой посмотрела на Арта.

— Вообще-то нет. Я никогда не водил такси.

— Может, всё-таки попробуем, — серьёзно сказала Меган.

Арт огляделся. Крайний правый ряд медленно полз к Манхэттену. Сообщение на экране управления предлагало дождаться восстановления геолокационной системы.

— Который час? — спросила Меган.

— Десять минут первого, — Арт посмотрел на часы на приборной панели.

— Как думаешь, она отключилась ровно в полночь? — задумалась Меган.

— Не уверен. По-моему, мы стоим уже не меньше пятнадцати минут. Посмотри новости, может, что-нибудь случилось, — предложил он.

Меган открыла коммуникатор и просмотрела новостные сообщения. О сбое навигационной системы писали много, но объяснений случившемуся не было.

— О, вот, слушай! «По-видимому, сбой затронул не только дорожную навигацию, но и аэропорты и космопорты. Некоторые из них закрылись, воздушным судам приказано садиться на ближайшую доступную полосу», — прочитала Меган. — Похоже, я успела в самый последний момент! Космопорт имени Кеннеди наверняка закрыли из-за этого отключения.

— Никогда ни о чём подобном не слышал, — Арт взглянул на статью, которую читала Меган.

— Наверное, зря я сюда приехала, а? — небрежно бросила Меган.

Она сказала это лишь наполовину серьёзно, но Арту всё равно показалось, что она его винит. Он никогда не мог понять, о чём думает Меган.

— Мы ведь совсем недалеко от твоего дома? — спросила Меган. — Если понадобится, сможем дойти пешком, да?

— Да, совсем недалеко, — ответил Арт, глядя в тёмное ночное небо и на сверкающий под ним силуэт Манхэттена.

— Ты правда так думаешь? — спросил Арт.

— Что? — Меган сделала удивлённый вид.

— Что тебе лучше было не приезжать, — он должен был спросить, хотя понимал: такие разговоры никогда ни к чему хорошему не приводят.

— Ну хватит, — Меган отвернулась. — Не начинай.

— Ладно, я не начинаю, — сказал Арт, не глядя на Меган. — Просто иногда я не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Мне не нравится тон этого разговора, — сказала Меган, глядя в сторону.

Арт немного подождал, но затем продолжил: — У тебя когда-нибудь бывает чувство, будто всё начинает рушиться изнутри?

— Что — всё? — спросила Меган.

— Ну, то, что ты считала настоящим, — объяснил он. — События, которые, как ты думала, произойдут; люди, которых встретишь; чувства, которые испытаешь; места, которые увидишь. Тот миг, когда понимаешь: все твои планы были лишь красивыми фантазиями и никакой опоры под ними нет, хотя ещё несколько минут назад казалось, что они вполне осуществимы.

— Слушай, чего ты от меня хочешь? — сердито сказала она. — Не я же обрушила навигационную систему.

Они огляделись. По крайней мере одно беспилотное такси тронулось — очевидно, кто-то перешёл на ручное управление.

— Мне не нравится, что происходит, — сказала Меган. — Я ещё никогда не застревала в такси без водителя. Посмотри на дорогу! Нужно что-то делать, мы не можем сидеть здесь вечно.

— Ну, можно перейти на ручное управление и поехать на этом такси, а можно пойти пешком, — рассудил Арт. — Отсюда, наверное, полчаса ходьбы. Что скажешь?

— Не знаю, — она посмотрела на коммуникатор. — Просто, по-моему, нужно что-то делать.

Арт ответил не сразу.

— А знаешь, что в этом чувстве самое страшное? — спросил он через минуту.

Меган не ответила.

— Словно начинает рассыпаться карточный домик, — продолжил он. — И ты понимаешь, что стоишь на самом верху этой обречённой постройки, а её неизбежное разрушение только начинается. Падать ещё долго. Ещё очень многое развалится и рухнет прежде, чем появится хоть какой-то шанс оказаться на твёрдой земле.

— Знаешь, по-моему, мне стоит вернуться в Калифорнию, как только космопорт снова заработает, — резко сказала Меган.

— Прости, — Арт посмотрел на Меган. — Я не хотел...

— Мне всё равно. Давай, нужно что-то делать! — потребовала она.

Арт нашёл рычаг ручного управления и включил его. Выдвинулся руль. На экране замигало предупреждение: ручным управлением следует пользоваться только в экстренной ситуации. Он выключил экран и взялся за руль.

— Посмотрим, получится ли, — Арт нажал на акселератор и повернул руль в сторону полосы для ручного управления.

— Наконец-то, — угрюмо сказала Меган.

Арт промолчал. Разочарование заполнило все его мысли и превратилось в злость. Он злился на навигационную систему, отказавшую в самый неподходящий момент. Злился на Меган за её реакцию и за намёк, что её приезд был ошибкой. Злился на себя за то, что позволил себе поверить в возможность быть с Меган, строил планы, как они проведут вместе несколько дней в Нью-Йорке. Злился на карточный домик, который начал рушиться у него под ногами. Сев за руль, Арт хотел лишь ехать быстро, чтобы выплеснуть злость и забыть о разочаровании.

Сначала он осторожно пробирался между рядами к полосе ручного управления, но, выехав на неё, нажал на акселератор. Такси быстро догнало машину впереди и вильнуло на обочину, чтобы обойти её. Меган ничего не сказала.

Арт продолжал ехать по обочине, даже не пытаясь вернуться в обычный ряд. Через несколько минут они достигли Манхэттена и влились в уличный поток. Меган начала пугаться.

— Выпусти меня! — сердито сказала она. — Я хочу домой.

Рухнул ещё один ярус карточного домика. Арт не знал, что сказать. Он глубоко вдохнул и попытался справиться с чувствами. Сейчас это было невозможно, но несколько глубоких вдохов хотя бы помогли заговорить внятно.

— Послушай, Меган, движение стоит, космопорт закрыт. Я отвезу тебя туда, когда они разберутся с этим бардаком, — сказал он. — Давай кое-что проясним...

— Я ничего не хочу прояснять, — Меган убрала коммуникатор в сумочку. — Я просто хочу домой. — Она выглядела раздражённой и неприступной. Арту нравилось, когда она была такой, но сейчас он понимал: говорить об этом не время.

— Послушай, прости, что всё так неудачно началось, — спокойно сказал он. — Давай попробуем ещё раз.

Меган смотрела в окно на улицы Нижнего Ист-Сайда. До дома Арта они ехали молча. Он припарковал такси у края улицы, вышел и открыл багажник, чтобы достать сумку Меган. Над головой раздался шум вертолёт. Подняв глаза, он увидел две военные машины, летевшие на север между манхэттенскими высотками, тускло освещёнными городскими огнями.

— Что это? — спросила Меган.

— Похоже на военно-транспортные вертолёты, — сказал Арт, глядя вверх.

— Они обычно так летают над городом? — спросила она.

— Нет, впервые вижу их над Манхэттен, — ответил он, когда последний вертолёт скрылся из виду.

Они поднялись в квартиру Арта на втором этаже. После ссоры в такси оба немного успокоились. Арт надеялся, что завтра всё забудется. Он показал Меган квартиру: спальню, в которой едва хватало места для маленькой кровати, и гостиную, по сути представлявшую собой всего лишь расширенную кухню.

— Здесь очень мило, — сказала Меган.

— Самое лучшее — вид, — Арт указал на окно гостиной.

— Правда? — Она попыталась выглянуть, но в темноте ничего не было видно.

— Да, мне немного повезло: прямо перед окном этот старый сад, — объяснил он.

— А почему он здесь? — спросила она.

— Думаю, просто случайно никто ничего здесь не построил, — объяснил Арт. — В самом центре города сад — большая редкость.

— Да, тебе повезло! Здорово! — улыбнулась она.

— Хочешь вина? — спросил он. — Я бы точно не отказался от бокала.

— Да, почему бы и нет, — она посмотрела на него.

Арт налил два бокала красного вина и протянул один Меган.

— За тебя! Как здорово наконец увидеть тебя здесь, в Нью-Йорке! — произнёс он тост.

— Спасибо, — улыбнулась Меган.

Когда их бокалы звякнули, Арт невольно подумал о хрупкости тонкого стекла. Чуть сильнее ударить — и бокалы разобьются, вино выплеснется, потечёт по рукам, закапает на яркую летнюю одежду. Он ничего не сказал и выпил вина.

Спали они в разных комнатах. Меган заняла спальню Арта, а он устроился на диване в гостиной. На следующий день из-за разницы во времени Меган проснулась рано и разбудила Арта.

— Доброе утро! Давай завтракать! — Она была полна энергии. — Я уже сварила кофе.

— Отлично! — ответил он, поднимаясь с дивана.

Готовя завтрак, Арт ходил по гостиной и время от времени выглядывал в окно. Он заметил человека, показавшегося знакомым. Через секунду понял: это Питер, с которым он познакомился вчера в кафе. Питер очень быстро шёл по улице. Вид у него был торопливый и решительный. За плечами висел небольшой рюкзак.

— Я знаю этого человека! — Арт указал на Питера внизу. — Как раз вчера утром познакомился с ним в кафе неподалёку.

Арт шире распахнул окно и крикнул: — Питер! Питер!

Питер оглянулся, но не смог понять, кто его зовёт.

— Я здесь, над вами, — сказал Арт.

— А, привет, мой юный друг, — Питер наконец нашёл окно Арта.

— Как дела? — спросил Арт.

— Разве ты не слышал, что случилось? — сказал Питер.

— Вы про отключение навигационной системы? — спросил Арт. — Да, знаю. Мы из-за этого вчера ночью застряли в такси.

— Нет, я про войну, — объяснил Питер.

— Про что? — Карточный домик снова дрогнул. Он почувствовал порыв ветра, поднятый приливной волной чего-то страшного и непредсказуемого, стремительно надвигавшегося на него.

— Они напали из Арктики! — сказал Питер, размахивая новостным планшетом. — Бомбят наши северные территории! Я еду туда!

— Подождите, Питер, о чём вы? Кто бомбит? — спросил Арт.

— Федерация! — Питер стоял посреди тротуара. — Франция, Британия, Нидерланды, Бельгия, Германия, весь цивилизованный мир. Наконец-то они идут нам на помощь!

— Что? Это безумие, — сказал Арт.

— Они избавятся от «Нравственного единства», — улыбнулся Питер. — Я еду в Монреаль, а может, ещё севернее. Хочу увидеть их собственными глазами. Хочу их приветствовать! Вообще-то я уже опаздываю на поезд. — Он взглянул на часы и помахал на прощание.

Арт закрыл окно. Он выглядел совершенно растерянным.

— Федерация собирается захватить Монреаль? Но это же за тысячи миль от Арктики, — сказал он и посмотрел на Меган. Она стояла совершенно неподвижно, стиснув в руках чашку кофе, и смотрела на Арта зелёными глазами, плотно сжав губы. Ей было страшно.

— Мне нужно позвонить родителям, — сказала она и набрала номер на коммуникаторе. Затем повернулась к Арту. — Не работает. Связи нет.

Арт снова выглянул в окно и увидел, как Питер сворачивает за угол на улицу, ведущую к ближайшему входу в метро. Он опять закрыл окно и взял кружку кофе. Арту стало казаться, что он всё ещё спит и видит дурной сон. То, что он только что услышал, было буквально невыносимо. Это не могло быть правдой. Он обернулся.

Меган сидела перед информационным экраном. Она включила выпуск новостей. На экране с какого-то аэродрома поднималось несколько столбов дыма. Она прибавила звук. Диктор сообщал о многочисленных известиях о бомбардировках и ударах крылатыми ракетами по военным объектам на северных территориях, а также по городам канадского севера.

Ощущение дурного сна усилилось. Арт поставил чашку на стол и ущипнул себя за левую руку, пытаясь проснуться. Ничего не произошло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.